

*«Выходит лев из своей чащи,
и выступает истребитель народов:
он выходит из своего места, чтобы
землю твою сделать пустынею;
города твои будут разорены,
останутся без жителей.»*
Книга Пророка Иеремия 4:7

Глава 1.

Дастин Верум. 2171

Всем здравствуйте. Я молодой исследователь истории человечества Дастин Верум. Я специализируюсь на истории искусств мира. Совсем недавно мне поручили сделать доклад по искусству 40-х годов 22 века. Все то было не так давно, поэтому объект моего исследования будет особо понятен всем группам населения нашей планеты. Копаясь в архивах, я наткнулся на записи о компании, блиставшей пару лет в начале сороковых, которая, на мой взгляд, должна быть известна просто всем благодаря своим «интересным» способам создания конечного продукта.

Речь идет о кинокомпании «ВТОРОЙ ПРОРОК», созданной под началом самопровозглашённого «гения» кинематографа Жака Таратто. Именно по его воле государство одобрило тот аттракцион, проработавший всего пару лет и неожиданно исчезнувший вместе с самим Жаком. Многие из вас уже наверняка поняли, о чем сейчас пойдет речь, но для людей не знакомых с историей данной компании я проведу небольшой экскурс.

Компания «ВТОРОЙ ПРОРОК» скандально ворвалась в жизни миллионов людей с одной только главной информацией, взрывавшей мозг каждого человека: кино без спецэффектов. И пускай это звучит очень безобидно, не давайте этому впечатлению пустить корни в вашем сознании. Под отсутствием спецэффектов компания подразумевала правдивость всего происходящего на экране. Что, вам и этого недостаточно? Тогда скажу прямо. В своих фильмах они убивали людей. Именно убивали. Концепция убийства в их видении несла некое библейское значение. Они приглашали людей сниматься в главных ролях фильмов, предлагая их семьям после смерти бесчисленное количество редких услуг, в том числе лекарство от рака, которое в те времена было доступно не многим.

Небольшими усилиями кинокомпания сняла порядка десяти фильмов, каждый раз выстреливавших в прокате, а затем закрылась. Никто так и не понял почему и как. Никто так же и не обсуждал произошедшее, а правительство и вовсе ввело запрет на использование каких-либо материалов компании. До сей поры все остается в тумане.

Но стоит заметить, что идея «ВТОРОГО ПРОРОКА» несла под собой хоть какую-то да почву. Первой звездой этого смертельного искусства стала настоящая актриса, известная нам всем по многочисленным ролям в историческом и драматическом кино. Этой актрисой была Сандра Хейз. Она сыграла в самом первом фильме кинокомпания главнейшую роль, которая по сюжету вела ее к гибели в конце. Фильму предшествовал рекламный ролик, снятый в формате видеоблога «Один день из моей жизни», а именно «Последний день моей жизни».

Материал ролика на данный период времени заблокирован и доступен лишь десяткам людей (в том числе и мне) в силу содержания. Я же в свою очередь могу лишь пересказать вам наполнение того «видеоблога».

Появляющаяся в кадре черноволосая миниатюрная Сандра с чашкой латте в руках не должна интересовать никого, ведь всем понятно, что главной особенностью этого ролика является не она, а ее образ. Она нескончаемо улыбается и словно заигрывает с нами, ведя разговор с камерой. В последние часы жизни Сандра, очевидно, чувствует себя более чем прекрасно. Она говорит не спеша, медленно попивая словно никогда не остывающий кофе; проводит нам экскурсию по съемочному павильону, показывая одну за другой декорации фильма, в котором ей предстоит умереть.

Кульминацией же всего становится конец видео, в котором Сандра приходит в мед уголок. Там ее встречает великий химик-фармацевт Бартоломео Ванс, держа в руках тот самый укол. Укол, благодаря которому человек не чувствует никакой боли, благодаря которому Сандра умрет в кадре без страданий. Ну или точнее, *без настоящих страданий*.

Но немного отойдем от главного кульминационного момента, который вы все уже, вероятно, так ждете. Сандре суждено прожить еще порядка десяти часов, а нам с вами предстоит расставить по местам очень много важных моментов.

Во-первых, стоит предупредить вас, что если вы читаете это, то *находитесь под угрозой*. Эти материалы крайне секретные, и, честно говоря, я не знаю, как до вас дошли мои записи, но, если вы можете лицезреть их – вы в опасности. Я советую вам либо закрыть данное чтение прямо сейчас, либо молчать о прочитанном всю оставшуюся жизнь. Иначе вам не прожить дольше недели.

В один из обычных дней моей подготовки к написанию данной работы, я изучал материалы Государственной библиотеки в поисках важных сведений о «ВТОРОМ ПРОРОКЕ». Грубо говоря, ничего, что вы не могли бы найти в открытом доступе, там не было, а вносить в исследование информацию доступную любому жителю Земли было бы глупо и опрометчиво. Таким образом, в дальнейшие несколько недель (до сегодняшнего) мной двигала мотивация знакомая каждому из вас - любопытство. К тому же стоит поблагодарить юношескую импульсивность и то самое бесстрашие, толкнувшее меня на действия, о которых я расскажу чуть позже.

В общем, я просто должен, нет, ОБЯЗАН был найти нечто большее, чем просто записи современников и видеоблоги этих «благородных», самовлюбленных самоубийц. Я долго думал, как же мне выйти на след чего-то большего, чего-то особенного и... таинственного (мне казалось, что такового там было достаточно), все время упуская из внимания, кажется, самое главное в моей ситуации – я был в *Государственной библиотеке*. Но на случай, если мой читатель в силу своего столетия все же не знаком с тем, что мне кажется очевидным, я объясню, что же все-таки такое Государственная библиотека.

Представьте огромный компьютер (надеюсь в ваше время они все еще есть), содержащий буквально всю информацию, существующую на нашей Земле. В нем есть все даты рождения людей, все даты смерти, вся медиа информация, все книги, всё — это примерная модель библиотеки. Да, это много, я бы даже сказал, это невозможно, но тем не менее, это правда. Государство не поскупилось создать архив данных размером с пару городов. К слову, на момент настоящего они все еще развивают эту библиотеку, постоянно пристраивают к ней новые здания, ввозят еще больше данных, еще больше информации скапливается там. Они создали место, в котором буквально может жить население целого города и им всегда будет где работать, что читать и как проводить свободное время. Вместо этого работают там лишь

избранные люди, допущенные ко всем секретным отделам, роботы грузчики-сортировщики и такие же искатели материала для мозгового шторма, как я. Также изредка сюда привозят группы школьников, показывают им округу, говорят, что к чему, а желающим предлагают пройти тест на работе, как я его называю, «Распределяющая шляпа» (дань художественной литературе двадцать первого века). Садятся дети в «объятия» этого робота, им надевают шлем с различными датчиками, считывающими сигналы с ваших мозговых нейронов, а потом «писк» и ребенку говорят, насколько бездарный он для того, чтобы попасть в сферу работы в этой библиотеке. На деле робот этот действительно имеет смысл, он за минуту проходите по мозгу школьника, находит все его сильные и слабые стороны, и если, слабые невозможно превратить в противоположные, то ребенок не пригоден для «священной» работы. Были, конечно, случаи, когда после данного теста в персонал Библиотеки записывались несколько новых юных сотрудников, но сотрудники эти потом либо повышались до мест, отведенных им в правительстве, либо их увозили на автобусах главной лаборатории Государства. В общем Библиотека хоть и могла казаться полноценным функционирующим городком, но жителей в нем было не так уж и много, а те, кто приезжали, как правило, уезжали в тот же день.

Теперь, когда вы знаете, что такое Государственная Библиотека, вы понимаете почему я считал себя глупцом, забыв, что нахожусь там. В этом храме многовековых знаний я не мог найти нужной, хоть немного сенсационной информации, хотя стоило лишь найти, где искать.

Проблема состояла в том, что для таких простых смертных как я доступна была лишь примерно одна восьмая часть всего культурного наследия нашего мира, сохранившегося в этих архивах. Остальное – особо секретные материалы - оставались на десерт этим вечно серьезным работникам, проезжающих мимо тебя каждый час, наблюдая не нарушаешь ли ты правил их «дворца». По ним было видно, что они не сильно хотели это делать, но, как и каждый из нас, должны были выполнять свою работу. В их случае еще более тщательно и придирчиво.

Так я начал думать каким же все-таки образом мне попасть в закрытые исторические отделы по сороковому нашего века. И здесь, стоит отметить, я должен сделать некое предупреждение. Дальнейшие записи содержат информацию о том, как я получил нужные мне материалы, поэтому после прочтения их, вы будете обладать прямой инструкцией к действию. Я понимаю, что возможно, аудитория, прочитавшая мое исследование, тут же отправится повторять мои действия, тем самым вызвав подозрение работников Библиотеки. Будьте осторожны.

В очередной раз, уставившись в никуда, я заметил проезжающего мимо робогрузчика, везущего что-то в скрытый от меня отдел «политических переписок двадцать первого века». Роботы шныряли туда-сюда и могли без труда проехать в любой отдел с рукописями, а особенные роботы с синими шлемами могли пробраться вообще в любой отдел, в том числе в видеоархив. Задача состояла в том, чтобы понять, где находились нужные мне отделы и какие работы были привязаны к ним. В открытом доступе была лишь схема открытых всем людям архивов, а что касается секретных, к ним путь могли указать лишь сотрудники самой Библиотеки, так что единственным способом для меня найти то, что мне нужно, было вывести у сотрудника всю информацию.

Я периодически посещал эту библиотеку еще со школьных лет и поэтому знал несколько людей, посвятивших свою жизнь этому святому делу. Еще тогда, в подростковые годы, нас с классом впервые привезли сюда на экскурсию, надели на желающих шлемы и провели отсев. Я и почти все мои одноклассники оказались не удал, но нашлась среди нас и девочка, подошедшая Государству по всем параметрам. Эта девочка была образцовым учеником, разбиралась во всех научных сферах, могла ответить почти на любой вопрос с блеском, а что самое главное, она была тайно влюблена в меня.

Стыдно признавать, но мне пришлось воспользоваться чувствами Пэтрис (так звали ту самую особенную девочку), чтобы достичь желаемого. Нашел ее контакты у информационного стенда, отправил голографическое послание с приглашением прогуляться, а далее действовал по проверенному временем плану. Ничего необычного. В общем и целом, хоть Пэтрис и была самым умным человеком, которого я знаю, ее чувства затуманили ей глаза, и она, сама того не заметив, ответила на все вопросы, которые мне были интересны. Я узнал расположение архивов за два дня. Сейчас же я оставляю весь список на последней странице моего исследования, не стесняйтесь открыть и посмотреть.

Дело оставалось за малым, приспособить для своих нужд роботов. Само собой, сам проникнуть в отделы я никак не мог, ведь для этого мне потребовались поддельные документы, ремеслу изготовления которых меня, увы, в университете не обучали. К счастью, роботы – всего лишь машины, и я предполагал, что их можно перепрограммировать. Мои навыки для этого также были не совсем подходящего уровня, поэтому пришлось в очередной раз воспользоваться связями. Вот думают оптимисты, что всего можно добиться самим, да ошибаются.

Моего знакомого, с которым мы в университете делали проект «Технологическая эволюция», оказалось не так просто склонить к помощи. Он был занят каким-то новым космическим проектом и без энтузиазма отвечал на мои звонки. Пришлось соврать, что изучаю программирование роботов и остро нуждаюсь в его помощи. Заставил его поверить в безоговорочную значимость его таланта, и он помог мне буквально за спасибо. Только вот дал обещание упомянуть его в своей работе. Упоминаю: спасибо, Джонатан Брейн.

Дальнейший день был целиком и полностью посвящен моей операции по извлечению нужных материалов из глубины архивов. Вставил чип со взломом программного обеспечения робота, направил его на нужные отделы, указал объект исследования, и уже через два часа все рукописи и иные материалы были в моих руках. Забрать их домой было еще проще: простых ученых исследователей никогда не проверяют на выходе, ведь понимают, что все, что мы делаем идет на благо народу. Вот так положил в машину и выехал с территории Библиотеки, предварительно обняв при встрече Пэтрис. Очень сильно почувствовал себя тогда отвратительным человеком. Заявляю, да, я Дастин Верум – тот еще эгоист.

Но любое мое самобичевание оправдывается тем, *что* я нашел в материалах, добытых в дебрях Государственной Библиотеки. Личный дневник звезды, принявшей участие в этом «аттракционе смерти», видеоролики (один из которых я частично пересказал вам ранее), а самое главное для меня - подробные отчеты компании о количестве смертей.

Здесь я на время прощаюсь с вами и представляю вашему вниманию записи дневника звезды, первой снявшейся в фильме с настоящей смертью главного героя.

Сандра Хейз

13 апреля 2141 год.

Сегодняшний день можно официально считать днем перемен. Я говорила с Жаком о том проекте... Президент дал добро. Сам президент! Но и это его «добро» оказывается не было последним, за что мы должны благодарить творца. Государство абсолютно точно, направленно и бесповоротно будет спонсировать «Второй пророк». Не терпится начать снимать!

15 апреля 2141 год.

Жак прислал мне рекламу, которая отправится в прессу. Отправим по пиар группам и начнем поиск остальных актеров. Вот что написано в той рекламе:

«Многие ли из вас когда-то хотели стать актерами, но в лучшем случае попадали лишь на кастинг? Многим ли из вас в лицо отказывали, ссылаясь на «недостаточную уникальность образа»? Многие из вас испытывают недостаток в каких-либо услугах для обеспечения жизненного спокойствия? Сторонитесь студии, «ВТОРОЙ ПРОРОК» выходит в киноиндустрию. У нас каждый человек уникален, ведь мы предоставляем уникальнейшую услугу во всем мире. Все, что происходит в фильме - на самом деле происходило на съемочной площадке. Наша приглашенная звезда – всемирно известная актриса Сандра Хейз первая в истории человечества снимется в фильме с реальной смертью главного героя в конце. Храбрая девушка как никто другой заинтригована и считает данный вклад в кинематограф самым лучшим за последнее столетие.

Кроме того, «ВТОРОЙ ПРОРОК» предоставляет помощь в любых услугах семьям актеров, которые будут участвовать в наших съемках».

18 апреля 2141 год.

Сегодня встречалась с Жаком, хотела спросить...

22 апреля 2141 год.

Не дописала прошлую запись и забыла, что хотела рассказать. Неважно.

Сегодня встретила маму в магазине. Она посмотрела на меня своим фирменным взглядом а-ля «позор семьи». Не самая удачная вылазка.

И вот ведь ни разу не удостоила меня даже словом, просто смотрела прямо в глаза и пыталась мысленно задушить. Задаюсь вопросом: «Что я ей сделала?», но безуспешно, никогда не узнаю ответ. Его попросту нет.

Я не сделала ничего. Ну точнее я сделала то, что должна была – последовала за своей, а не её мечтой. Не стала маминной помощницей в ее деле. Теперь враг семьи.

Начался набор актеров массовки. Через неделю будет первая часть сценария.

Снова вспомнила, что наш проект растет с каждым днем... Никогда не чувствовала такой радости. Поскорее бы съемки!

24 апреля 2141 год.

Мама приходила ко мне домой, плакала. Для нее я, «хоть и отбившаяся от рук, но все же дочь». Безумно приятно, мам!

У нас с ней состоялся разговор: она спросила про «Пророка», я рассказала ей о том, как я взволнована этой идеей, как мы с Жаком не можем дождаться ее скорейшего воплощения, буквально живем мыслями об этом. Она сказала, что она и «семья» очень расстроены новостью о том, что я буду играть главную роль в этом фильме.

«Сандра... Санни, мы все... Как тебе в голову пришла идея отдать свою жизнь ради... фильма? Ты ведь не просто сыграешь смерть, ты умрешь на самом деле. ПО-НАСТОЯЩЕМУ. Мы не хотим потерять тебя. Не снова».

Меня даже на слезу пробило, действительно поплакала. Пришлось ей сказать, что я подумаю. Подумаю?

25 апреля 2141 год.

Сегодня снова виделась с Жаком, он сказал, что у него была встреча с представителем Государства. В каком же я тогда была шоке! Государство настолько заинтересовалось нашим проектом, что решило обговорить некоторые его детали с Жаком (видимо он теперь у нас за главного) и сделать некоторые предложения. Какие предложения Жак так и не сказал, это все очень, очень конфиденциально. Какое же все-таки противное слово.

Каждый раз, слыша это «все слишком секретно» слово, вспоминаю свое детство. Не трудно догадаться, что оно не было слишком... хорошим. Мама, вечно увлеченная своей работой, пряталась от нас в подвале, где обустроила себе «лабораторию». Ну это я ее так называла. На деле же это был просто ее офис, но моей детский разум представлял, что там она творит подобных себе роботов... Так грустно, что даже в своем собственном дневнике мне страшно сказать, чем все же мама занималась, ведь она ежедневно повторяла мне и брату одно и то же слово: «КОНФИДЕНЦИАЛЬНО». Рано или поздно начинаешь считать запреты устоявшимися правилами. Чувствую себя жертвой Стэнфордского эксперимента.

Дастин Верум. 2171

Здесь я бы хотел прервать нить повествования Сандры и вмешаться. Я пересмотрел свои записи и пришел к выводу, что мое исследование до сих пор не дало достаточной информации о том, кто же все-таки такая Сандра Хейз. Я понимаю и надеюсь, что моя работа дойдет не только до нашего поколения, но и переживая года, а может и столетия, дойдет до наших потомков, которые с большой вероятностью не будут знать, кем является эта девушка.

В университете я специализировался не только на истории, но и на искусстве (в которое до 2155 года входил и кинематограф), так что я в достаточной степени был знаком с главными вехами в искусстве кино. Не могу сказать, что материал изучения университета часто касался этой темы, но что я могу сказать с уверенностью так это то, что данную тему профессора хоть и обсуждали, но делали это крайне осторожно. Касались лишь общих понятий и толком не давали никакой важной информации, так что таким любопытным ребятам как я приходилось искать все интересные сведения самим. Именно так я и, хоть и косвенно, но познакомился с Сандрой Хейз.

При первом прочтении сводок того времени, Сандра показалась мне самой обычной знаменитостью, из когда-либо существовавших. Ну, знаете, думалось, она относится к тому типу актеров, которые проживали свой век, стабильно играя в фильмах, раз или два выстреливая, обеспечивая себе старость, а потом спокойно умирая в достатке. Но все же здесь мой мозг сделал осечку: старости у нее не было и выстрелила она хоть один раз, но очень громко и далеко. Так что эта девушка просто по определению не могла быть обычной. Но может кто-то из вас уже задался вопросом: почему именно она стала главной актрисой? Была ли это какая-то особая идеология? Что она хотела этим показать миру? Из начала дневника мы видим, что она будто бы действительно увлечена идеей реальной смерти в фильме, но любой разумный человек сейчас не поймет в чем была все-таки прелесть этой смерти.

На лекциях по истории того времени наш профессор говорил нам, что то десятилетие было в какой-то степени переломным для человечества. Главные наши технологии развлечений были изобретены буквально через десять лет, после событий дневника, так что все поколение тогда, можно сказать, скучало. Тогда лишь недавно кончилась борьба с главными неизлечимыми заболеваниями и все люди помчались лечиться. К 2138 население планеты взлетело до чисел, которых все так боялись, а наши экспедиция лишь были на пути от экзопланет, неся новости. Люди теснились и скучали, их было много, а работы мало, экономика Единого Государства рухнула, началась инфляция. Все катилось в бездну.

Проблему перенаселения власти решать боялись, ведь единственным решением было ввести запреты и закрыть доступ на лекарства от неизлечимых болезней. Для любой власти это буквально было самоубийством, поэтому они не хотели ничего предпринимать.

Через год Государство все же ввело ограничение на вакцины, излечивая ежемесячно лишь 10 человек в многотысячной очереди. Нечего и говорить о том, какие начались бои за место на лекарство.

Но это, как ни странно, было еще и не главной проблемой того времени. Главной проблемой того времени была хандра человечества. Люди отказывались работать, отказывались делать что-либо. Зачастую они просто сидели на улицах, смотря в никуда. В архивах до сих пор остались знаменитые фотографии Централ парка, в котором люди просто лежали на земле, глядя в небо. Жуткая картина.

Так вот правительство всеми силами пыталось поднять дух народа, развлечь его, но люди никак не реагировали. Казалось, человечеству резко все наскучило.

Тогда-то и появились группы идеалистов-фантазеров. Они придумывали разные развлечения, которые люди до сих пор не видели, вербовали народ, а затем воплощали в жизнь задуманное.

Их силам открылись заведения, в которых можно было за своеобразную плату организовать настоящую бойню. Что-то вроде древней индульгенции, вот только грехи в этих заведениях людям не отпускались – там они лишь поощрялись. Фанатики находили людей, по какой-то причине желающих умереть: неизлечимо больных, у которых нет шанса на вакцину, заключенных и просто несчастных людей, - и делали их частью своего шоу. Любому желающий мог прийти и убить человека любым удобным ему способом. Только вот не каждый из этих законных убийц понимал, чем им придется платить.

Каждый из них подписывал контракт с поставителем услуг, в котором «каратель» (так эти желающие поразвлечься начали именовать себя), обещал свою службу государству, учитывая, что его могут вызвать в любой момент. Нигде толком не было прописано, что именно входило в эту службу, поэтому недалекие «каратели», не задумываясь, соглашались. Не буду говорить наперед, чем им это обернулось, мы вернемся к этой теме чуть позже. Вернемся к новым развлечениям того времени.

Несложно догадаться, что вскоре, смотря на эти игрища с законами не только мира, но и морали, люди начали возбуждаться и пытаться повторить это, перепрыгнув через свою голову. Какие только жестокости тогда не приходили в головы молодого поколения (именно в их руках сосредотачивалось управление индустрией развлечений). Все это объединяло одно: люди как никогда хотели крови. Поэтому нетрудно представить, что вскоре человечество словно привыкло видеть все это в повседневной жизни, а заявление о создании «живого кинематографа» не сильно взбудоражило умы людей. Но все же заинтриговало.

Сандра, исходя из моего исследования, оказалась человеком, не столько предложившим эту идею, сколько согласившимся стать ее лицом. Она действительно была рада «привнести в соскучившийся мир что-то новое, революционное», как она сама говорила в одном из своих интервью, но все же за ее спиной стоял более важный для этого дела человек, который умело дергал за ниточки. Этим человеком был Жак Таратто — мужчина, появившийся в индустрии, как пролетающий метеорит: неожиданно и ярко. Упал на нашу серую землю, чтобы окрасить ее в цвет своего особенного пламени.

В общем и целом, думаю вы понимаете, что любой склонный желать славы человек, быстро склонился бы к любой идее, способной взбудоражить людей, особенно если идея ему придет от такого убедительного человека как Жак (в дальнейших записях дневника вы увидите, что этот

мужчина как никто другой умел убеждать), так что Сандра быстро одобрила идею нового вида искусства и решила поделить груз ее реализации с Жаком, повесив часть со смертью на свои плечи.

Совсем недавно, проводя очередную ночь в одном из архивов библиотеки я оказался в весьма интересной ситуации: неподалеку от меня сидел молодой, но потрепанный работой парень. Он стал посещать Государственную библиотеку совсем недавно (по крайней мере раньше я его там не видел) и сразу же вызвал во мне интерес. Не могу точно сказать почему именно мое внимание обратилось на него, но было очевидно, что этот парень все же чем-то да отличался от всех, кого я прежде видел в архивах.

Дело в том, что люд, обычно заполнявший просторные читальные залы, был довольно одинаков: все они были ухожены, одеты строго, казались в целом невероятно закрытыми и отталкивающими. У этого, конечно, было обоснование, все-таки это люди, изучающие и творящие все, за что мы благодарны, но все же их однотипность не могла не бросаться в глаза.

Этот же парень был заметно отличим от всех других. Его одежда была слегка потрепана и не ухожена, хоть и было видно, что к низшему слою людей он явно не относился. Парень казался нервным, у него дрожали руки, все его движения были резким и словно, угрожающими. Он был похож на бомбу замедленного действия.

Я замечал, что, когда я прихожу, он уже сидит там, один, перелистывая страницу за страницей в какой-то тоненькой книжке, обложка которой говорила, что это была не научная книга и даже не художественная литература – это скорее было похоже на тетрадь. Довольно старую тетрадь. И он все читал ее, то и дело вздрагивая, возвращаясь на прежнюю страницу каждые несколько минут, словно впитывал каждую букву, как губка. Когда же я уходил, он все еще сидел там, не обращая внимания ни на что. Казалось, здание может начать рушиться, а он все будет сидеть там и читать эту тетрадь.

В конце концов, он вызвал во мне такой интерес, что я решил остаться допоздна и уйти лишь после него, чтобы посмотреть на то, что же будет. Как ни крути, я не думал, что мне когда-либо придется провести в архиве сутки – спасибо пареньку, остался в библиотеке до утра. Но все же это того стоило.

Признаюсь, оказалось не так уж и просто пытаться изучать всю эту тему в плохо освещенном архиве, когда время уже перевалило за полночь. Все затихало, и только каждые полчаса мимо проезжали мои новоиспеченные друзья роботы-библиотекари, доставляя свой груз из точки А в точку Б. За эти полчаса я успевал задремать и снова проснуться, оглядеться вокруг и удостовериться, что мой «объект наблюдения» все еще корпит над своим чтивом. В такие моменты я задавался вопросом: «Когда же, черт подери, он спит?», но потом вспоминал, что в обед он обычно уходил куда-то на пару часов и возвращался немного более ухоженный и, кажется, отдохнувший. Да и к тому же, при нем всегда был кофе, который ему каждый час привозили роботы. О существовании такого обслуживания в библиотеке я до этого даже не догадывался. Оказалось, лишь плати за день личного обслуживания великие деньги, и тебе будут привозить хоть одеяло с подушкой прямо в читальный зал, сфера услуг и тут пустила корни. А паренек, в кучу к остальным моим наблюдениям о нем, оказался еще и богатым малым.

Так вот, в тот вечер, когда я сквозь боль и нежелание остался в библиотеке, мне наконец представился случай познакомиться с этим загадочным молодым, подобным призраку, парнем.

Сидя за тем, что он читал, он неоднократно издавал какие-то звуки удивления, страха, смущения, а порой он даже резко подскакивал на стуле. В общем палитра эмоций у него в такие моменты окрашивалась как никогда ярко. Когда он в очередной раз подскочил со стула, что-то, очевидно, пошло не так и он, запнувшись о ножку стола, свалился на пол. Я не мог упустить представившуюся мне возможность и подошел к нему, чтобы помочь.

— Извините, у вас все в порядке? Я уже несколько раз видел, как вы подпрыгиваете на месте. Может вам чем-то помочь?

Парень, казалось, с первого раза будто не заметил меня. Поднялся, проигнорировал, сел на стул и уже было хотел начать читать снова, но вдруг посмотрел на меня.

— Извините, если потревожил. Я просто немного устал и уже не контролирую себя. Вы можете возвращаться к работе, впредь я буду тише.

— О, нет, нет. Все хорошо, вы мне не помешали. Честно говоря, я уже и сам устал сидеть тут, но что уж тут поделать – работа, — я учтиво улыбнулся ему, пытаюсь хоть как-то расположить к себе, на что он тоже, хоть и с натяжкой, но улыбнулся. — Можно поинтересоваться, что же вы такое читаете? Вы меня очень заинтриговали, я прямо сгорал от любопытства. Какая же книга вызывает такие бурные эмоции в человеке?

Я сразу заметил, что этот незнакомец словно засомневался. Он на пару секунд отвернулся, потер лоб рукой – все признаки неуверенности в происходящем. Я вот-вот мог упустить шанс разгадать еще одну загадку, встретившуюся мне на пути. Но, как ни странно, парень неожиданно встал, можно даже сказать немного радостный, словно мои слова оказались для него тем, что было нужно для пробуждения в нем нового сгустка энергии.

— Вы не против пройтись со мной?

А затем этот растрепанный парень, не дожидаясь ответа, двинулся вперед в неизвестном мне направлении (как потом оказалось на выход из нашего архива), не оглядываясь кинув мне:

— Меня, кстати, зовут Александр.

— Дастин Верум.

Пройдясь немного в полной тишине, он вывел меня в главный холл Государственной Библиотеки, вдоль всей длинны которого были выставлены столы работников. Они внимательно смотрели в лицо всех, кто проходил мимо, а так как в столь поздний час мы были одними из немногих, кто остался тут, этим гениальным библиотечным работникам не оставалось ничего, кроме как смотреть прямо на нас.

К моему удивлению, мой новый друг Александр будто бы знал всех этих работников. Каждый раз, проходя мимо их столов, он кивал им, а они ему. К нескольким из них он даже обратился по имени, будто бы выказывая особое уважение. В тот момент я как никогда почувствовал свою ничтожность в данной ситуации, вспомнил о том, как будучи еще школьником я не прошел тест на работе, чтобы работать тут. Стал одним из тех обычных заурядных детишек, мечтающих оказаться здесь не на условиях посетителя, а одного из главных работников. К слову, тогда я вспомнил про Пэтрис и о том, что я использовал ее, чтобы достать нужную мне информацию. Не перестану удивляться тому, как же она все-таки так легко доверила такую секретную информацию мне. Окажись я, скажем, человеком, проверяющим правильное функционирование всего «организма» библиотеки, я был бы вынужден доложить начальству о

том, что один из не слишком жизненно важных органов стал непригоден. И ее бы тут же убрали. Наше счастье, я не один из этих людей.

Все время до этого я шел немного позади: мне показалось, что это была лучшая позиция для наблюдения за Александром, учитывая то, что я не хотел вызвать у него подозрений. Стоит отметить, что я сразу заметил странную перемену в этом парне: наружу будто вышел совершенно иной человек. Все его тело, прежде находившееся в одном и том же скрюченном состоянии на протяжении нескольких часов, теперь выпрямилось, а он сам словно увеличился в росте; он шел прям, не шатаясь, как это было раньше; в его руках все еще был кофе, и он время от времени пил его, и, казалось, даже это выходило у него с каким-то иным, особым, лоском. Словом, за минуту с ним произошла такая метаморфоза, которую некоторые люди безуспешно пытаются осуществить годами.

Спустя некоторое время мое терпение начало кончаться, а любопытство все усиливалось, так что я предпринял некоторые действия, чтобы наконец заставить этого парня перестать молчать. Мне пришлось ускориться, чтобы наконец догнать этого, теперь уже высокорослого статного мужчину, и я оказался с ним наравне. Он тут же посмотрел на меня с таким равнодушием, какого я в жизни не видел. До чего странный человек!

— Мы идем перекусить в зону отдыха. Не против?

Я лишь кивнул головой.

— Вы, я так понимаю, тоже частый посетитель здесь? — Этот парень говорил так, будто уже знал ответ на любой интересующий вопрос. Будто для него это все было лишь условностью.

— Как вы узнали? — Я действительно был немного удивлен. Неужели он наблюдал за мной?

— Браслет, — он кивком показал на мой руку, — он зеленый. Такой браслет дают только тем, кто стал частым посетителем в библиотеке, чтобы не выдавать им каждый раз новый. А еще, может все же будем на «ты»? Все-таки, кажется, мы примерно одного возраста.

Лёд тронулся. Я был удовлетворен всем происходящим кроме того, что я до сих пор не знал что же он читал. Он не говорил это то ли намеренно, то ли просто забыл. В общем, я решил немного подождать. Все же, мне еще возвращаться к работе и не хотелось бы создавать лишнее напряжение в читальном в зале, ведь Александр очевидно не планировал покидать его в ближайшее время.

Через некоторое время мы пришли в зону отдыха. Зал был огромным, поэтому несколько человек, разбросанные по всему его периметру, не играли особой роли. Сидя там, Александр рассказал мне о том, что он простой любитель истории, который приехал в этот город исключительно ради библиотеки и живет тут уже несколько месяцев. Сказать честно, я так и не смог понять кем же он являлся по профессии, ведь очевидно в деньгах он совсем не нуждался. Он купил еду из особого пакета услуг, который так же оплачивался отдельно за сутки и даже предложил заказать что-то «особенное» мне, но я отказался. На мой вопрос о том, почему я не замечал его раньше, он ответил, что прежде изучал материалы аудио и видеоархивов.

— Мне даже удалось купить несколько аудио записей. Правда, пришлось попотеть, чтобы выторговать их у библиотеки, но чего не сделаешь ради любимого дела. Может я мог бы показать тебе их после, они лежат у меня дома, — парень с бешеной скоростью поглощал еду, попутно рассказывая мне все больше информации о себе. В тот момент он стал особо разговорчивым, что не могло мне не нравиться.

— Так что же все-таки ты читал? — Мне не терпелось узнать ответы на все вопросы, который терзали меня уже около часа. Это знание представляло принципиальную важность не столько

для меня, сколько для вас, дорогие читатели, желающие знать все и сразу в мельчайших подробностях. К тому же мое исследование должно было как можно более глубоким, иначе мой научный руководитель просто отказался бы от меня, чего мне совсем не хотелось.

Александр на секунду перестал жевать и посмотрел прямо на меня, можно сказать даже немного удивленный моим ничем не обоснованным любопытством. Тогда мне показалось, что я должен как-то оправдаться, но все же решил больше не делать никаких действий. Молча стоял и ждал ответа на свой довольно простой вопрос.

Парень снова вернулся к поеданию пищи и начал что-то бубнить себе под нос. Стоит отметить, что при этом моем упоминании его интереснейшего чтива, Александр снова погрузился в свое наполовину загипнотизированное состояние, при котором он скрючивался и улетал в какое-то отдаленное измерение, которое не мог уловить никто кроме него. Мне пришлось снова привлечь его внимание, что бы парень все же очнулся. Он снова резко подскочил и положил мне руки на плечи, преисполненный вдохновения.

— Нам нужно идти прямо сейчас. Я уверен ты не пожалеешь.

И, оставив еду, двинулся на выход.

Наверное, не стоит в очередной раз описывать процесс того, как я покинул Библиотеку. Каждый раз это происходит примерно одинаково, единственное, что в этот раз выглядело иначе так это наша встреча на КПП с Пэтрис. Я шел рядом с Александром, при виде которого все девушки выпрямлялись и старались выглядеть максимально изящно и только Пэтрис оставалась неизменной до тех пор, пока не увидела меня. Окинув взглядом меня и моего нового знакомого, она немного удивилась. Очевидно было, что она знала кто он и именно по этой причине изобразила недоумение на своем лице. Кинула взгляд на меня, кивнула головой на Александра, мысленно спрашивая: «Почему ты с ним?!». А я и не знал ответа на этот вопрос, просто плыл по течению, как это всегда удавалось мне наилучшим образом. Неужто все, кроме меня были осведомлены о личности этого загадочного молодого человека. Я даже начинал чувствовать себя очень беспомощным рядом с этим парнем, думалось: «Вот наверняка он какая-то выдающаяся личность, а я просто засиделся в библиотеке совсем потерял связь с реальностью». Еще и с каждой секундой в моей голове появлялось все больше подозрений, но всё же беспомощным я чувствовал себя гораздо больше.

Проходя мимо Пэтрис Александр, к слову, кивнул ей с какой-то особенной учтивостью. Я даже почувствовал оскорбление своих чувств. Каких таких чувств, не правда ли? Как ребенок обзвирался на человека, который проявил внимание к моей любимой игрушке. Пришлось немного опустить игрушку на землю. Проходя мимо, шепнул Пэтрис: «Хватит пялиться на него как на Иисуса Христа». Сами понимаете, она на него совсем не пялилась, просто это я мерзкий человечиска. Но что это я, немного отошел от темы.

Как потом оказалось, мы направились домой к Александру. Стоило догадаться, ведь он уже говорил мне об этом, но что-то под гнетом своего надоедливое любопытства я совсем потерял обычно присущую мне догадливость. Вот так глядишь, и окажешься в какой-нибудь передрыге, потеряв бдительность из-за эмоций. Еще и Пэтрис начал отправлять мне голографические сообщения почти сразу после того, как мы покинули библиотеку. Видимо, у нее начался обеденный перерыв, и она сразу же поспешила уверить меня в том, что она совсем, «ни глазочком» не смотрела на «Мистера Александра». Мистера Александра! Так он еще и мистер, подумать только! Шел позади него и хотел бросить это ее сообщение ему в затылок. Вот так я возненавидел его на первые два часа. Только тогда.

Когда мы приближались к его жилищу (к слову на очень дорогой и эксклюзивной машине, которая выпускалась буквально в прошлом месяце), я заметил, что здание, в котором проживает Александр является собственностью Государственной библиотеки, стало быть он каким-то образом все-таки связан с ней. Мне предстояло узнать слишком многое, казалось, что столько информации просто сведет меня с ума. Но нам исследователям не привыкать, впереди еще столько нового и неизученного, нужно тренировать нервную систему. Государство любит и почитает стойких людей науки.

Александр сидел за рулем своей машине, давай ей голосовые указания. Ему отвечала женщина-робот, встроенная в машину. «Да, мистер Александр, следуем по указанному вами пути» и прочее. Но все же одна ее реплика показалась мне наиболее интересной.

— Глэдис оставила вам посылку от отца в ячейке, которая была отправлена им до того, как...

— Подожди Вайлет, не сейчас. Запиши это сообщение на повторение завтра утром, — перебив свою помощницу, Александр повернулся ко мне лицом и нервно улыбнулся, — Семейный проблемы.

Мне пришлось кивнуть ему в ответ. В прочем, все что я делал все это время – кивал. Предпочитал узнавать информацию о других, а не выдавать о себе (исследования это, конечно, не касается).

— Надеюсь ты не относишься к государственным работникам, — сказал Александр. Такие слова насторожили бы любого человека.

— А ты хочешь показать мне что-то, о чем им бы не стоило знать?

Александр рассмеялся. Этот парень вызывал во мне все больше интереса, настолько он был противоречивым и загадочным человеком на первый взгляд.

— Нет, просто не люблю их, — Александр бросил эти слова в противоположную от меня сторону, все еще улыбаясь. Через минуту мы приехали к месту назначения (все это время проходили многочисленные барьеры, ведь все-таки собственность библиотеки).

Апартаменты Александра оказались настолько же большими, каким казалось здание, в котором он жил. Все было пусто и не обставлено и лишь одна единственная комната. В которой он вероятно проводил большую часть своего времени, была захламлена многочисленными стопками книг, повсюду валялись журналы, стол был усыпан вырезками из них, а на стене была доска с бумажками, содержащими надписи на непонятном мне языке. Очевидно, то был один из языков до времен существования Единого Государства, ведь теперь у нас лишь один официальный язык, которому правительство даже отказывается придумывать название. На деле это некая смесь некогда существовавшего английского, испанского и нескольких славянских языков. Это всегда казалось мне странным смешением, ведь, как всем нам известно, нации, говорящие на этих языках, в последних столетиях той истории человечества были далеко не самыми многочисленными. Но, видимо, вышло так, что именно носители этих языков были самым яркими активистами создания нашего нынешнего Государства. А никто и не жалуется, ведь наш язык сейчас представляется всем как один из самых ярких и красивых языков всех времен. Его легко учить для того, чтобы просто общаться с людьми, но также и легко пополнять свой словарный запас новыми, более красочными изъяснениями. Вообще, за дополнительную плату, в одном из учреждений Государственной системы по медикаментозному обучению тебе могли запросто ввести парочку тысяч новых словечек в подкорку головного мозга, после чего ты мог выйти в свет и начать с гордостью применять свои новые знания. Ты приходишь в их «больницы», тебе вкалывают какую-то доселе непонятную мне сыворотку (я пытался изучить предмет данного нововведения, но в очередной

раз убедился, что наука в данном ее проявлении – не совсем то, в чем я мог бы преуспеть), затем ты под действием этой самой сыворотки погружаешься в долгий сон, и пока ты спишь, тебя погружают в «капсулу обучения» (как я ее называю), а выходишь ты уже новым человеком. Я знаю немало людей, которые не постеснялись воспользоваться новыми достижениями науки и после этой процедуры стали по-настоящему людьми. То есть если раньше с ними было сложно вести диалог на более глубокие темы, то теперь ты только и хотел, что говорить с ними, а самое главное слушать то, что говорят они. Все-таки очень полезная процедура, но воспользоваться ей мне никогда особо не хотелось. Мама и папа не простили бы мне такого предательства их генетического материала. «Что это мы по-твоему не обладаем достаточными способностями, чтобы изучать новое сами?» — сказали они как-то мне, узнав о новой технологии, хотя я даже и словом не обмолвился о своей причастности к этому. Но буду честным с вами и с самим собой, я твердо уверен, что и сам могу изучить все то, за что эти глупцы отдают огромное количество денег. Ведь действительно, к этому прибегают лишь те, кому просто не хочется пытаться учиться самому. Ну или те, кто безнадежно глуп от природы. Кому-то же все-таки в этой жизни не так повезло, как мне.

В общем, когда я все же решился поинтересоваться что это за язык, Александр не стеснясь ответил мне, что это один из языков, считавшийся мертвым еще даже до существования Государства. Меня совсем не удивило, что парень мог понимать и использовать такой старинный язык, ведь у него на столе я увидел «Трансфатор». Для тех, кто, возможно, не знаком с феноменом «Трансфатора» я поясню: это такое устройство, надев которое ты получаешь способность понимать любой язык, находящийся перед тобой. Эта технология к тому же зачастую применяется в Государственной библиотеке, ведь огромное количество книг и иных медиа материалов остались у нас с прошлых веков, когда люди говорили на стольких языках, сколько невозможно и бесполезно знать современному человеку. Поэтому в каждом архиве насчитывается порядка трех-четырёх таких «Трансфаторов», которыми может воспользоваться любой человек в любой момент времени. Даже мне неоднократно приходилось пользоваться ими, когда, будучи студентом я приезжал сюда изучать литературу девятнадцатого века. Что не говори, а Государственная библиотека – лучшее место для сосредоточения и учебы.

Первые полчаса, проведенные в квартире Александра были для меня чем-то вроде нового интересного приключения: я постоянно озирался по сторонам, пытался запечатлеть в своей памяти каждую деталь, чтобы потом описать весь этот опыт в одном из своих дневниковых исследований (чем я сейчас и занимаюсь), пока Александр готовил нам напитки на кухне. К слову он даже не спросил хочу ли я что-нибудь, а просто поставил в известность. Со стороны это, возможно, выглядело грубо, но на деле этот парень наверняка просто пытался проявить любезность и гостеприимство, что, конечно, совершенно не обязательно в наше время. Александр вообще выглядел как человек, пришедший из другой эпохи. Из какой именно – остается вопросом.

Как только он вернулся в ту самую заставленную комнату, в которой оставил меня, я заметил, что в руках у него, помимо напитков были три тетрадки. Он немного небрежно бросил их на диван, на котором я сидел, а сам начал наблюдать за мной. Я не мог не начать смотреть эти тетради.

Это были точно такие же потрепанные временем тетради разных цветов, как та, что он читал в библиотеке. На них так же была ее печать, а на обложке не было ничего кроме надписи «собственность Государства». Я не мог понять можно ли мне заглянуть внутри этого однозначно выкраденного «сокровища», так что посмотрел на своего нового друга, ожидая, видимо, каких-то указаний.

— Открывай.

Я не мог поверить этому совпадению: в моих руках были дневники Сандры Хейз, те самые, отрывки из которых уже были приведены мной сверху, и будут приведены в дальнейшем. В моей голове появилось несколько вариантов происходящего: или это все чистая случайность и мне сейчас стоит рассказать о том, что я тоже изучаю их, или же все-таки все это и было его планом и он уже знает все. Оставалось непонятно лишь то, что мне стоило ожидать если жизнеспособен только второй вариант.

— Не пугайся, я не член правительства или что-то такое. Просто как-то раз проходил мимо и заметил, как ты читаешь открытые материалы о ней, поискал в сети информацию про тебя и выяснил, что ты исследователь по делу о «ВТОРОМ ПРОРОКЕ», — Александр говорил даже слегка небрежно. Только тогда я понял, как сильно я недооценил этого скрючившегося паренька из архива.

Я встал с дивана, положил тетради на то место, на которое их бросил Александр и начал двигаться к выходу. Меня изучили как какого-то преступника и мне это совсем не понравилось.

— Я знаю информацию, которая может очень помочь тебе, а ты в свою очередь можешь очень помочь мне.

Таким образом я и остался там, и получил многое из той информации, которой сейчас располагаю и о которой собираюсь повествовать вам.

Глава 2.

2171

Дастин Верум. 2171

Следующей информацией было не очень сложно заставить меня остаться: Александр сказал, что имеет прямое отношение к Сандре Хейз, а именно:

— Это, возможно, прозвучит как странное заявление от странного незнакомца, но я – сын Сандры.

Передо мной, как исследователем, встал очень сложный выбор: не вмешиваться ни коим образом в хронотоп, касающийся «ВТОРОГО ПРОРОКА» и остаться максимально объективным, изложив ситуацию лишь со стороны, или все-таки остаться и, вмешиваясь во все это, повествовать о ситуации изнутри. Я понимал, что Александр может очень сильно помочь мне в добывании важных материалов для исследования, и поэтому долго не колебался.

Пришлось развернуться и сесть на то место, на котором сидел несколько секунд назад. Совет начинающим исследователя: делайте все, чтобы добыть редкую информацию, особенно если предоставляется удобный, легкий случай. Не думайте, что можно идти только сложным путем, чтобы достичь хорошего результата – можно и нужно облегчать себе работу. Порой просто необходимо, чтобы всё само падало тебе в руки.

Ко мне же в руки упали все возможные дневники главной героини «цирка», который я изучал, поэтому я поспешил сделать все, чтобы эти материалы еще долго не вышли из моих рук.

— Я довольно давно пытаюсь понять, что же все-таки тогда произошло, и действительно ли моя мать умерла по своему желанию. Но с таким количеством информации это довольно сложно сделать, — Александр теперь стоял спиной ко мне и говорил голосом человека, которому будто стыдно. Потом резко повернулся и вручил мне голографическую фотографию,

на которой была изображена молодая пара с маленьким ребенком, практически младенцем, — Она ушла от нас, когда мне еще не исполнилось двух лет, объяснив все тем, что вернется сразу после того, как обеспечит будущее мне. Что же, будущее обеспечено, но она уже не вернется.

Мы могли бы еще очень долго сидеть там и бездействовать, но сроки поджимали. Не какие-то условленные сроки, которые были поставлены мне для исследования, нет. Я был волен писать столько, сколько я посчитаю нужным. Главное – чтобы мое исследование не написал кто-то очень умный раньше самого меня. Эти сроки жили внутри меня самого и вызывали ужаснейшую панику в тот же момент, когда я начинал бездействовать или делать что-то нужное, но в не совсем правильном направлении. Некий такой встроенный в мою голову природный датчик, который бил меня током, каждый раз, когда я решал отдохнуть вместо работы. Сейчас этот датчик жужжал как никогда сильно, на стенках моих сосудов, кажется, уже напечаталось: «Бери у этого парня всю нужную информацию и иди использовать её». Что уж тут говорить, думаю читатели моего исследования уже поняли, что человек я далеко не самый лучший, и никогда этого не отрицал. Кажется, это всегда так было, «хочешь жить – умей вертеться». Ведь так говорили люди в прошлом?

В общем, я не смог выдержать нескончаемого молчания Александра, который очевидно пытался заставить меня всем своим видом как-то пожалеть его или, скажем, посочувствовать. Но сочувствовать не хотелось, а жалеть было не за что. Ну или было за что, но все же больше очень не хотелось. Пришлось спросить у него чуть больше подробностей, в тот момент, когда он, кажется, собирался плакать. Это казалось мне удивительным – такая большая глыба, а собрался плакать из-за мамочки. Но я тогда уже все же переставал чувствовать недоумение относительно личности этого парня, слишком быстро он менялся внутренне и наружно, так что я просто предпочел делать вид, что ничего не замечаю. Это было лучшим из всех решений этой проблемы.

— Так как же все-таки так вышло, что ты – сын одной из самых известных актрис нашего века, но никто о тебе и слышать не слышал, и говорить не говорил?

— Слышать обо мне слышали, но только не гражданские, а люди, хоть сколько-то связанные с делами государства. Вот твоя подруга Пэтрис к примеру: она работает в Государственной библиотеке и, следовательно, обладает доступом ко многим секретным, да и просто тем материалам, о которых людям знать нежелательно. Так вот она знает кто я, знают и все остальные работники и они все, как один, боятся меня. Для государства я – бомба замедленного действия, ведь в любой момент могу проболтать не тому человеку, о том, кто я, а Государство ой как не хочет поднимать вновь тему «ВТОРОГО ПРОРОКА», — казалось, мне сквозь уши благополучно прошла и поступила на хранение в мозг вся информация, кроме кое-чего одного. Это кое-что одно, задержалось на входе в мой мозг и не хотело двигаться с места.

— Один вопрос: с чего ты вообще взял, что Пэтрис – моя подруга.

— Ой, ну это очень просто. Когда я советовался с ней по одному важному вопросу, я спросил у нее: «Что это за молодой человек постоянно сидит в архиве и читает что-то?». Она в свою очередь рассказала, что вы очень близко дружите и вообще проводите «значительное количество времени вместе, изучая информацию наиболее редких и секретных материалов». Короче говоря, я понял, что ты ее используешь как ресурс для выкачки всего, что только можно. Оценил и решил, что ты будешь мне отличным напарником.

Я смог лишь кивнуть в ответ, так как очень хотел молча переосмыслить все, что сказал этот человек. «Это он меня сейчас похвалил за то, что я манипулятор, или мне показалось?».

Дальнейшие полчаса Александр рассказывал мне о своем детстве, снова сказал, о том, что Сандра ушла из семьи, когда ему было почти два года, оставив его отца одного с ребенком, который постоянно напоминал ему о матери.

— Отец очень любил маму даже несмотря на то, что она фактически бросила нас, обосновывая это лицемерными репликами. Он думал, что совсем скоро она вернется, но через год мы узнали о ее смерти. Я узнал об этом первый, из новостей. Потом сказал папе, пронося это все через призму детской невинности. Тогда папа и стал называть меня моим вторым именем, которое я сейчас не использую. Он хотел забыть о имени «Александр», которое в короткой форме отсылало его к воспоминаниям о маме. «Сандр» стало ненавистным сочетанием букв, а «Винсент» - любимым. Тогда я был Винсентом Бэррол, пришлось так же взять и фамилию папы на время. Когда же я вырос, а точнее, когда отец умер, я наконец мог взять имя, которым в какой-то степени гордился, а помимо прочего, по которому очень скучал. Если папа хотел забыть о ней, то я наоборот – хотел помнить.

Я не мог не включить этот монолог Александра, ведь главным в моей работе все же остается задача передачи сути времени. Да и к тому же, после появления в моей работе этого парня, все это писание переросло из исследования в некую летопись того, что я вижу касательно изучаемой мною темы. Хуже это или лучше – решать уже вам, но надеюсь для вашего времени еще не устарело выражение «у каждой книги найдется свой читатель», а это, может и не полноценная книга, но по крайней мере она хочет таковой быть.

Так вот что я хотел передать, вставив сюда мини-биографию «Сандра»: наше время, как может подумать читатель, отличается некоторым равнодушием. Мы растем для каких-то целей, рождаемся для каких-то целей. Мы хоть и инструмент в руке Государства, но все же не бездушны. Я, наверное, в большей мере отражаю суть времени, чем Александр, но он и старше меня почти на десяток лет (хоть он почему-то и решил, что мы одного возраста). Среди нас, хоть и реже, но все-таки еще встречаются такие люди, как Александр, которым свойственна та сентиментальность, та романтичность, по большей части присущая людям прошлых веков. Нет, мы не роботы, но мы и не поэты. Мы понимаем, что теряем чувствительность, но нам и не страшно ее терять. Мы хотим строить новый мир, а не пытаться удержать старый, который отличался особой жестокостью. Ведь все эти войны происходили по одной простой причине - из-за чувств, которых мы стремимся лишиться. Зависть появилась от, казалось бы, совсем неплохих амбиций быть лучше, быть лучшим. Ревность появилась от такого священного чувства, еще до сих пор живущего в нашем мире, как любовь. Злость появилась как противопоставление доброте. Все это очень долго двигало миром. Каин пролил кровь Авеля и с тех пор на земле господствовали хаос и братоубийство, а наше поколение решило это изменить.

От Александра я ушел уже с новыми материалами для изучения: он передал мне все, что у него было по делу о «ВТОРОМ ПРОРОКЕ», все, уже изученные им дневники Сандры, а также сказал, что как только изучит другие, пришлет их мне для повторного просмотра, что является очень важной деталью в нашем деле.

Я не очень понимал цель, которую преследовал Александр в этом изучении всего, что хоть сколько-то связано с его матерью, но меня это и не очень сильно интересовало. Он однажды сказал мне: «Я не имел случая узнать ее поближе. Она от меня ушла. Или ее у меня забрали. Хотелось бы все-таки знать правду». Правду действительно бы хотелось знать, особенно учитывая, что мое исследование становилось все более и более увлекательным с каждым новым фактом, который я узнавал.

Покинув квартиру Александра, я побывал там еще пару раз, но после не возвращался туда: не было необходимости, да и не очень хотелось в очередной раз выслушивать его трогательные истории. В моменты, когда он не был один, он почему-то становился на удивление непродуктивным: постоянно говорил длинные речи о важных для него вопросах, потом словно отчаивался во мне как в собеседнике, и начинал бездумно (а может и очень даже думно) смотреть в одну и ту же точку на стене. Как-то раз, попытавшись проследить за его взглядом, я заметил, что на столе, на котором у него обычно был дикий беспорядок, в котором было невозможно найти что-то, теперь лежали архивные материалы и одна очень интересная книга. В углу стола, около стены, словно прятавшись от чужих глаз, лежала Библия. Я мог бы предположить, что она служила ему в качестве подставки для еды или пресса, но прямо на ней лежал небольшой блокнот, а между ее страницами виднелись цветастые закладки. «Почему же, в конце концов ему было не взять эту книгу в электронном, ну или на худой конец в объемном голографическом варианте? Она ведь очень массивная и жутчайшим образом неудобная...». Но видимо печатная версия составляла для Александра принципиальную важность, так что я просто не стал задавать вопросов, которые так и хотели вырваться у меня изо рта.

Не буду выставлять себя дураком, конечно, я понимал, что название самой компании «ВТОРОЙ ПРОРОК» является отсылкой к чему-то библейскому, но никогда не придавал этому такого большого значения. Люди нашего, да и того времени, никогда не вкладывали столько смысла в пару слов. Все значило только то, что оно должно было значить в наиболее простом и очевидном варианте, так что, когда я в тысячный раз видел эти кричащие буквы «ВТОРОЙ ПРОРОК» я и думать не думал, что это может значить что-то кроме того, что это значит для самых глупых людей. Компания, которая ставит себя на пьедестал равный человеку, несущему слово божие? В общем, любая огромная компания создавала такое впечатление, да и к тому же словом божьим в наше время никого не удивишь. В мире осталось слишком мало людей, верящих в идею креационизма. Мы все теперь придерживаемся или идеи панспермии как конечного результата (человеческий вид оказался на планете, уже отражая форму человекообразной ступени его развития), или панспермии с последующей эволюцией (жизнь хоть и была подброшена извне, но в наиболее низких формах, нежели в предшествующей теории). Словом, название компании звучало эффектно, но не вызывало в людях ничего кроме мимолетного «неплохо» в голове.

В дальнейшем, при изучении этой темы я, будучи вдохновлённым этой интересной идеей, тоже решил провести мини-расследование о том, как же все-таки связаны Бог и компания, убившая тысячи людей в столь короткий срок. Ничего кроме отсылок к Жаку Таратто и его идеям во времена, когда он учился в университете я не нашел. Будущий я из настоящего очень сильно ненавижу себя за то, что сразу не догадался решение такой очевидно простой загадки: Жак ведь являлся основателем этой компании, ее Богом. Но к решению этой загадки мы еще вернемся.

Так как у меня появились новые материалы дела о «ВТОРОМ ПРОРОКЕ», и придя в свое жилище я незамедлительно начал с жадностью вчитываться, вслушиваться, всматриваться во все, что у меня было. Я, прямо как губка, впитывал в себя столько информации, сколько только могло поместиться в моей голове и уже через пару часов я почувствовал огромное удовлетворение. Как же я все-таки был рад, что родился не во времена безделья и скуки, а во времена усердно трудящихся людей. Я нашел то, что было крайне важно, как и для исследования, так и для моего собственного любопытства. Я уже, можно сказать, вжил в эту странную историю и, было даже в какой-то степени грустно, что из-за одного единственного человека я за один раз продвинулся так далеко и так быстро. Человеческий ресурс тут, как оказалось, был все же важен.

Обладая всей этой, можно даже сказать шокирующей информацией, мне, конечно, хочется начать с самого интересного и тем самым и удовлетворить любопытство, и я наконец осуществить свое желание поведать тайну такого масштаба миру и таким образом отдать всю ответственность за эти знания в чужие руки. Если все будут знать столько, сколько знаю я, мне может быть будет угрожать огромная опасность, но я уже и не буду тем, кто скрывал столь важную информацию. К тому же, может к тому времени я уже успею скрыться.

Несмотря на все вышесказанное, делиться самым важным в самом начале я не буду. Вы подготовлены небольшой предысторией и теперь можете понять почти все, о чем будет идти речь, а читать ли все по порядку или сразу перепрыгнуть на концовку – решать вам. Помните, что инструкция к действию есть на последней странице и не совершайте ошибок.

Глава 3.

Сандра Хейз

29 апреля 2141 год.

Наконец пришла первая часть сценария и я... очень взволнована. Еще не открывала, чтобы записать эмоции «до» и «после». Сама не знаю зачем, наверное, я становлюсь слишком сентиментальной... а мне это даже почему-то нравится. Пойду читать, а как только закончу сразу же напишу.

Прочитала.

Так хочется что-то сказать, но я, честно говоря, даже не знаю что. Меня переполняют эмоции... скорее смешанные, чем однозначно радостные. Мне хочется и скакать, и плакать, но всё – в один момент. Довольна ли я сценарием и отражает ли он то, что я так хотела видеть с самого начала? Довольна ли – да. Отражает ли – нисколько.

Но нет... нет. Оно отражает не мои мысли, произнесенные сценаристами, не мои глупые слова (я слишком скудна на слова, считаю, что не в силах передать свои эмоции...) ни в коем случае.

Они сделали фильм по моим чувствам.

Звучит смешно... не то, чтобы я чувствую желание умереть - я чувствую ни с чем не сравнимую любовь к искусству. А искусство должно быть настоящим. Ну и еще Жак постоянно говорит: «Это прекрасное entertainment». Причем говорит он это намеренно на каком-то старом языке, а когда же я спросила его что это значит и какой это язык, отвечать он решительно отказался. Но мне и не нужно знать это. Он – великий и очень умный человек. Я – его «милый инструмент», как он сам сказал. «Ты мой пергамент, мои слова. Вместе мы изменим этот беспокойный, неправильный мир». Раньше я думала, что мир такой, каким он должен быть и каким он будет вечно, но, когда встретила Жака, поняла, что глубоко ошибалась. Мир такой, каким он является в своем худшем проявлении, а будет он таким, каким его захочет сделать он.

И никто, никто не сможет помешать ему творить искусство, способное изменить мир, способное заставить планету вращаться в другую сторону, уйти и вовсе со своей рабской орбиты властного Солнца и отправиться в свободное межгалактическое путешествие. Мы застрявшие на этой одинокой планете, в галактике на окраине, не можем сделать ничего, чтобы стать чуточку свободнее. Жак поможет миру, а я, как смогу, помогу ему.

30 апреля 2141 год.

Ушла в полет фантазии и совсем забыла упомянуть, что готова только половина сценария. Судя по всему, умру я лишь в конце, а в первой половине получу некоторые тяжелые травмы. Врач сказал, что по его расчетам съемки продлятся около пары месяцев с учетом травм.

Старт съемок уже первого мая (то есть завтра). Я готова как никогда.

1 мая 2141 год.

КУЧА, КУЧА НАРОДА. Вот так я помню сегодняшний день.

Нет, это просто какое-то сумасшествие, этого просто не может быть. Все люди такие счастливые, все радостные, все в предвкушении. Не может быть, что наша с Жаком мечта осуществляется. Просто не верится.

Снимали легкие сцены, чтобы разогреть кровь, войти во вкус. Любовные сцены с моим напарником по съемочной площадке, который потом и будет рыдать над моим умирающим телом в фильме. Я, конечно, не могу этого даже писать в своем личном дневнике, но мой напарник – черт побери ЗВЕЗДА ГОСУДАРСТВЕННОГО МАСШТАБА. Не могу сказать его имени (вдруг кто-то решится выкрасть мой велико-важный дневник), но скажу вот что... ОН ИГРАЛ В ТОМ САМОМ ФИЛЬМЕ ГЕРОЯ. Ха?

Под вечер Жак организовал всем актерам встречу с доктором Лайманом (это тот самый гений, который будет заведовать оказанием первой помощи, да и вообще всем связанным со здоровьем актеров), который, нельзя не сказать, внушает очень много доверия и уважения. А еще он безумно похож на...

5 мая 2141 год.

Сегодня на площадке из-за меня пришлось переснимать всю сцену. До этого момента такого не было. Чувствую ужасный стыд... ещё и Жак смотрел на все это. Увидел мой позор, не показал не единой эмоции, развернулся и ушел с площадки. Я было начала догонять его, хотела извиниться что ли... режиссер остановил меня и сказал работать. Работать, работать, работать.

Но я бы и работала, просто они не знают. Там был мальчик, играл в массовке. Он посмотрел на меня, я посмотрела на его. Как же жутко он похож на Александра, глаза... так смотрел на меня, будто упрекал. Ну он и должен, я сделала ошибку, которую просто должна была сделать. Интересно, как он там?

Надо... надо ли?

6 мая 2141 год.

Надо или нет, а дело сделано. Позвонила на голосовую связь Александра, он ответил. Чего я еще ожидала?.. он не мог не ответить. Начал что-то бубнить в трубку, а я и не выдержала, разрыдалась. Хорошо, что он этого не слышал, я выключила свой микрофон. Он, наверное, и не поймет кто звонил. Не сможет просто. Разве что Джон ему скажет.

А Джон никогда и не за что не скажет, он обещал.

Должно бы что-то написать о съемках, но я просто не в состоянии: после вчерашнего в голове только Сандр. И как вообще при таком живом напоминании теперь сниматься в сценах с массовкой.

Даже по поводу Жака сегодня не смогла пережить, вот настолько я погружена в свою глупую ностальгию. Мимо проходил доктор Лайман, спросил о том, все ли у меня хорошо.

Неужели я выглядела так странно, что даже доктор справился о моем состоянии. Еще и эта встреча с Жаком в буфете. Я зашла туда, а он стоит у стены, один, смотрит куда-то вдаль.

Хотела подойти к нему и обнять, но решила, что момент не самый лучший, поэтому просто прошла мимо, сказав: «Привет».

— *И что же это все-таки было? — Я взяла еду и села к нему спиной. Не хотелось смотреть на него.*

— *Отвлеклась.*

Жак, к моему удивлению, обошел стол и сел спереди меня. Я не смотрела на него, но понимала, что его взгляд устремлен прямо на меня. Мне в макушку. Нужно было как-то его от себя отвести, это был момент, который не пошел бы нам на пользу.

— *Актриса, а лжешь просто мерзко, — кинул в меня небольшую, скомканную бумажку. Скажешь честно, этого я вообще не поняла. Я почувствовала себя даже... оскорбленной.*

Хотела сказать что-то такое меткое, своевременное, едкое, чтобы он осознал, что обидел меня, но промолчала. Вместо этого встала, взяла эту бумажку, развернулась и пошла к выходу. По пути выкинула комок в мусорное ведро.

8 мая 2141 год.

Кажется, все встало на круги своя. Эти два дня отыгрывала «просто прекрасно», да и с Жаком, вроде как, все наладилось. Он подошел ко мне вчера, в руках держал книгу. Мне еще стало интересно для чего она ему нужна, а потом выяснилось – для меня. Протянул ее мне в руки: «Грозовой перевал».

— *Не старовата ли книга? — Я попыталась отшутиться.*

— *Открой страницу с закладкой, — кивнул на мои руки.*

Открыла. На странице, выделена зеленым маркером цитата:

«Я «не позволял своей любви высказаться вслух»; однако если взгляды могут говорить, и круглый дурак догадался бы, что я по уши влюблен.»

Посмотрела на него большими (по крайней мере мне казалось, что они огромные), шокированными глазами. Дальше – счастливый, но не конец.

Сегодня же нам сообщили, что на неделе снимем первую сцену, в которой у меня буду побои. После этого состоялся разговор с доктором Лайманом, он сказал, что доза лекарства от боли будет, но не очень большая, потому что я все-таки должна буду чувствовать хоть малую боль.

— *Мы не можем полностью лишить зрителя правдоподобности человеческой уязвимости. Они должны понимать, что мы не бессмертны, как бы им этого очень хотелось. Это толпы рвутся за вакциной, желая жить дольше назначенного им срока, не понимая, что времени нет. Его крайне мало, а нужно оно всем. Вот эти массы, обозленные единства, кричат на улицах о том, что Государство не дало им легкого излечения, «покинуло» их. Но ведь они сами покинули себя, когда отказались идти в такие акции, в которых людям за какие-то действия давали полный курс лечения. Мы безвозмездно даем помощь лишь детям, у которых осталось крайне мало времени, мы помогаем лишь тем, кто не в силах и состоянии оплатить за эту помощь. Ведь люди должны получать то, что они заслужили. Этот закон реализуется у нас уже несколько десятков лет, но власти почему-то не хотят сказать об этом прямо. Наверное, эта*

правда не совсем красива и выгодна для Государства, но по крайней мере, внутри они это осознают.

Речь доктора была неожиданной и слишком вольной. Мы были лишь вдвоем и, наверное, он видел во мне единственного человека, которому можно это сказать. Хотя еще есть Жак, а он придерживается примерно тех же взглядов. Нужно бы их подружить.

11 мая 2141 год.

Жак сказал, что есть актеры, которые хотят принять участие. Отправил мне их голографические анкеты.

Особо запомнилась девушка с розовыми волосами: ее стрижка уж больно похожа на мою, только вот мои пряди – синие. А еще копирует мою манеру речи, невозможно не заметить. Такое ощущение, что девчушка (не могу назвать ее иначе, ей, если не ошибаюсь, девятнадцать) подпрыгивает на месте от каждого слова, которое произносит. Оптимизм так и выливается через край. Уж не знаю, я ли такая позитивная со стороны или мои фанаты-подражатели пытаются приукрасить мой пессимистичный-готический образ. В любом случае, думаю Жак возьмет ее в качестве хорошего пиар хода.

12 мая 2141 год.

Столько всего накопилось, столько нужно рассказать.

Начну с того, что я была просто не в состоянии сделать хотя бы маленькую пометку в дневнике: сыграла сцену и лежала день в постели в «медицинском острове». Просила принести мне некоторые вещи для развлечения, но доктор, сказал, что один день я должна побыть в «изоляции». Так и не поняла по какой причине.

Весь этот день пыталась себя хоть как-то развеселить: у меня была одиночная палата, поэтому чтобы развеять скуку, я пыталась выйти и пойти к «соседям». Но как только я заходила в чужую палату, меня ловили роботы-надсмотрщики. Безжалостные механизмы, никакого сочувствия к бедной, скучающей мне. Я даже пыталась заставить одного из этих роботов остаться в моей комнате, говоря, что мне нужна помощь.

— *Что вас беспокоит, миссис Хейз?* — *Механический голос звучал механически равнодушно.*

— *Душевная тоска.*

— *Принято. Доктор Лайман прибудет через несколько минут и окажет вам всю возможную помощь.*

— *Нет, нет, нет...* — *Но робот уже выезжал из палаты.*

За последнее время доктор Лайман мне, не побоюсь этого слова, осточертел. Этот мужчина хоть и был чуть старше меня, но казался старым мудрецом, познавшим жизнь и желающим говорить только на философские темы.

Когда же по просьбе робота он прибыл мне на помощь, с его лица не сходила улыбка. В тот день он почему-то был особенно рад встретить меня в своем медицинском царстве.

Мне не хотелось начинать разговор с ним: лишнее слово – монолог начат. Казалось, скажи я что-нибудь про индюшек, он начал бы философствовать о их роли в нашей жизни. Но мое молчание было столько же невыносимо для него, сколько для меня была невыносима эта его странная улыбка. Когда он измерял мои жизненные показатели, то и дело смотрел прямо мне

в глаза, словно что-то говорил, но без слов. Предполагалось, что я должна понять, но я не поняла. Мы начали говорить в один момент.

— Жак, сказал, что вы...

— Доктор Лайман, вы не...

Эта ситуация смутила нас обоих. Буквально через несколько секунд в дверях появился Жак, прямо-таки мессия.

Он молча прошел к моей постели, посмотрел на доктора Лаймана. Тот встал, взял свои аппараты и вышел из палаты. Этот момент мне описывать особо приятно, ведь тогда за весь день я почувствовала что-то иное нежели скука или раздражение. Может, счастье.

Мы просто молча были друг с другом: он сидел у моей кровати, я лежала, просто смотрели друг на друга, словно общались мысленно. Потом сказал:

— Мы уедем с тобой на месяц по делам. Съёмки пока будут продолжаться, но со сценами без тебя.

— Что? Куда?

— Просто знай: государственное дело.

14 июня 2141 год.

Меня не было больше месяца, подумать только. Жак не разрешил брать никакие вещи, сказал, что «все будет там». Сейчас же я должна бы рассказать о том, куда мы ездили, что там было, но... я попросту не могу. Мне запретили даже думать об этом. Полагаю, кто бы это ни читал, вы примерно и сами понимаете, что произошло. Так что не буду лишний раз рисковать и писать здесь что-либо, что не должно быть увидено. Все-таки хотелось, чтобы мои мемуары были прочитаны людьми, а не спрятаны в ящик.

Говорят, пока нас не было, съёмки шли, но очень медленно и лениво. Как только Жак узнает, что они не продвинулись так далеко, как он это планировал, он непременно разозлится. Даже не знаю, где я хотела бы быть в этот момент, мы ведь теперь уже почему-то охладели.

Ну или он охладел. По правде сказать, я сама не понимаю, что произошло, так что, если кто-то из вас задался вопросом – ответ мне еще лишь предстоит найти.

15 июня 2141 год.

Сегодня впервые после отъезда снова встретила с доктором Лайманом. А я и забыла какой он... нудный.

Вот честно, когда я нахожусь вблизи этого человека, я чувствую себя подростком, который просто терпеть не может этого унылого взрослого.

Он пытался что-то выведать у меня про нашу поездку с Жаком, казалось, даже знал, что приехали мы уже не в таких отношениях, в каких уехали. Постоянно говорил: «Ну ничего, это пока», «Временно, временно...», «Все образумится».

— Доктор Лайман, может это конечно немного неуместный вопрос... Как ваше имя?

Как ни странно, это даже не вызвало на его лице никакого недоумения, напротив – он начал улыбаться. У меня, честно говоря, даже мурашки пошли от того, насколько мне стало некомфортно от последствий своего же вопроса.

— Льюис.

Сама не знаю, зачем я все же задала этот вопрос. Наверное, мне хотелось как-то опустить его на землю, смыть, между нами, барьер «доктор – пациент», так что он бы перестал вести эти занудные профессиональные монологи. Да и ведь к тому же, казалось, он сейчас был единственным человеком, кто вообще вел со мной хоть какой-то разговор. Приходилось довольствоваться тем, что есть.

17 июня 2141 год.

Мы ведь абсолютно точно не в ссоре с Жаком, но он почему-то продолжает холодеть ко мне, а сейчас еще и прибавились эти его насмешки. Ходит со своим новым другом... забыла его имя. Ну это тот самый человек, который заведует подбором актерского состава в нашей компании. Так вот ходит с этим мужчиной, смотрит на меня и при каждом удобном случае отпускает саркастичные комментарии. Я предпочитаю ничего не отвечать на его провокации, так меня мама учила.

Завтра важная боевая сцена, а после нее я пролежу в медицинском царстве доктора Лаймана чуть меньше недели. Хочется кричать: «Нет!..»

19 июня 2141 год.

Оказывается, сразу как закончилась сцена, я потеряла сознание, так и пролежала до сегодняшнего дня. Только проснулась, у постели – никого. А кого, стало быть, я ожидала?

Пишу чуть позже, сейчас уже вечер. Хочу рассказать о том, что произошло.

Думаете напишу тут: «Мы снова помирились с Жаком. У нас все прекрасно», но не тут-то было. Нет, с Жаком даже и не виделась с того последнего момента, когда на площадке он отпустил едкий комментарий по поводу моей актерской игры во время любовной сцены.

Пока лежала и отдыхала, решила почитать что-нибудь. Со мной же у меня была лишь книга, которую я уже прочитала и та, что подарил Таратто. Пришлось читать «Грозовой перевал».

Я уже погрузилась в эту пропитанную старым духом атмосферу книги, дошла до самого романтического и трагичного момента, как в палате появился доктор Лайман.

— Как там Кэтрин? — Почему-то ехидно улыбался.

— Я воздержусь от комментария.

Доктор подошел и сел на стул рядом с моей кроватью, приложил к моей руке какой-то аппарат нового поколения, название которого я даже никогда и не слышала. Льюис (он разрешил мне так себя называть) долго смотрел в экран, очевидно показывающий результаты этого мини обследования, а потом убрал аппарат в карман и встал.

— Моя дочь любит читать эту книгу, когда ей грустно, — при этих словах он улыбнулся.

— У вас есть дочь? Сколько ей? — Я действительно не ожидала такого. Как бы странно это не звучало, но он не выглядел как человек, у которого в таком возрасте уже есть ребенок. Ему было порядка тридцати пяти, а он сам вызывал впечатление довольно ветреного человека. Словом, я была удивлена.

— Да, ее зовут Кристалл, ей 10, и она живет с моей бывшей женой.

Мы поговорили еще немного, он рассказал о своей дочери, о том, что видятся они крайне редко, ведь ее официальным опекуном является ее мать. Он выглядел грустным в момент,

когда говорил об этом, так что я предпочла дать ему волю самому выбирать, о чем рассказывать, и не задавала вопросов. Осознала, что я была слишком критична к этому человеку: хоть у нас сейчас и век, стремящийся избавиться от лишних чувств, но у людей они все еще есть.

20 июня 2141 год.

Сегодня весь день преимущественно лежала, не вставая. Читала книгу и плакала. А я, к слову, не плакала достаточно давно. Говорит ли это о чем-нибудь?

От Жака все еще ни шага, ни слова в мою сторону. Ну и черт с ним, у меня появился новый собеседник.

21 июня 2141 год.

Просто фарс... Сегодня наконец разрешили покинуть палату и прогуляться на специальном роботе-перевозчике. Решила поехать в сад, взяла с собой еду, которую мне принесли и поехала.

Около получаса сидела там в полном одиночестве и почему-то была несказанно этому рада. Ирония: оказавшись впервые в палате, я искала себе компанию, потому что не могла вытерпеть эту нагнетающую тишину, а теперь только ее и хочется. Постоянно думаю о чем-то и поэтому даже в тишине не могу расслабиться. В саду же меня окружали птицы, специально выведенные и привезенные сюда, так что я могла отрешиться от мира и просто вслушиваться в звуки их жизни.

Сидя, там начала думать о смерти. Промелькнуло в голове: «Будут ли там так же красиво петь птицы?». А будет ли там вообще что-то кроме меня и пустоты? Наша наука говорит – нет. И, казалось бы, все должны радоваться: после жизни, посвященной целиком и полностью труду, нам наконец представится возможность отдохнуть. Но почему-то, я могла думать только о птицах...

Я была прервана на середине моих размышлений: сзади послушался шелест травы и через несколько мгновений передо мной показался Жак. Встал передо мной в свою привычную позу: руки в карманы, взгляд, опущенный в землю. Могло показаться, что он чего-то словно стесняется, но нет, он никогда ничего не стеснялся. Приходил и делал то, что хотел, без промедления.

— Нашли актрису для следующего фильма. Ты видела ее анкету.

Как я ожидала, взял ту самую девушку, которая так похожа на меня. Девчушка и не понимает, на что она подписалась.

— Уже нашел мне замену?

В ответ на мои слова Жак рассмеялся. Он немного прошел вперед, сорвал лист с дерева, что росло неподалеку.

— Тебе стоит побольше времени проводить с Лайманом: у тебя, кажется, маразм.

Я чувствовала столько эмоций одновременно: разочарование, обида, злость, ревность, ненависть, в конце концов отвращение.

— Я думаю отказаться от роли, — Жак вновь усмехнулся. Да что ж ему вечно смешно? — Я не шучу.

— Я понимаю, что ты не шутишь. Мне смешно от твоей глупости. Ты не можешь отказаться, дорогая.

— Это еще с какой стати?! Это даже неофициальная кинокомпания, так, группка любителей поснимать что-нибудь, — это должно было задеть его, но не задело.

— Ты прекрасно знаешь, что после нашей поездки — это не просто любительская группка. Сама говорила с представителем совета и слышала его слова. Думаю, мне не стоит их тебе напоминать, — он подошел значительно ближе ко мне. — Ты буквально продала душу дьяволу, и теперь наши гончие найдут тебя, где бы ты ни была.

24 июня 2141 год.

Последний день в палате на этот раз. Даже как-то грустно возвращаться, я слишком привыкла к такому расслабленному образу жизни. Никто (кроме Жака) не мешал мне думать и наслаждаться спокойствием, а Льюис это даже поощрял. Приходил ко мне по вечерам, спрашивал, все ли у меня хорошо, рассказывал что-то, что меня не очень интересовало, но я привыкла. Такой уж он был человек: разговорчивый и открытый. Да и к тому же он приносил мне электронные журналы и книги. А еще разрешал писать в дневнике, что было очень важно для меня, иначе пришлось бы снова писать огромную запись за неделю.

Вчера зашел помощник Жака с расписанием съемок, принес новый график и вторую часть сценария. Сценарий, в котором моя смерть была прописана уже окончательно и бесповоротно. График, в котором была назначена дата, когда я навсегда покину этот мир. Второе августа. Ну хотя бы умру не зимой.

26 июня 2141 год.

Сегодня ходили гулять с Льюисом в тот сад. В этот раз я была не на работе-перевозчике и могла зайти гораздо дальше. Оказывается, неподалеку от съёмочного городка есть небольшое натуральное озеро. Там было столько зверушек, которых обычно я видела только в общественных заповедниках. Льюис сказал, что тут их содержит государственный работники, отвечающие за животный мир. Таких людей и мест на земле достаточно много: они выбирают и отгораживают себе территорию, которая кажется им наиболее благоприятной для масштабного разведения животных, которые раньше размножались сами. Сейчас они почему-то стали менее активными и стали уменьшаться в количествах. Ученые пытаются понять в чем же кроется проблема, но пока что это все предстает какой-то странной аномалией. Все просто надеются, что в конце концов этой аномалии придет конец и животные снова смогут жить самостоятельно, без помощи человека.

Мы стояли около этого озера и смотрели на плавающих в нем птиц, кажется, уток. Водоем был небольшим и занимал незначительную часть поляны, на которой мы находились. Пахло травой. На другом берегу — покоились маленькие домики (то ли остатки старого образа жизни, то ли жилища этих самых государственных надсмотрщиков за природой). Я вглядывалась в эту непонятную даль и видела, что на том берегу — люди. Их мало, и они все одеты в одну одежду, видимо все же рабочие. От их небольшой кучки отделился маленький человечек — ребенок. Он побежал за одним из животных с детским криком, прыгнул, пытаясь достать свою «добычу», но животное юрко отбежало в сторону, и ребенок, упал и со смехом покатился по небольшому склону. Когда он оказался у озера, стало понятно, что это маленький мальчик. Он увидел нас, захохотал и начал махать руками.

— У меня есть сын, — я сама не заметила, как это вырвалось у меня изо рта. Посмотрела на Льюиса, стоящего рядом, он был спокоен. Повернул голову в мою сторону и улыбнулся. Я тогда поняла, что все это время была очень глупа, когда сторонилась его: он всегда улыбался, был добр ко мне, а я считала его странным занудой, — Александр. Он еще совсем маленький, через несколько месяцев ему будет три года.

— Где он сейчас? — Мне показалось, что этот вопрос был направлен даже и не мне. Льюис смотрел на другой берег, следя взглядом за мальчишкой, прыгающим у воды.

А ведь правда, где он сейчас? Может там, где я оставила их, может они больше не захотели быть в этом вечно холодном месте и уехали. В любом случае, мне его уже не увидеть, и виновата в этом только я сама. Как поздно я осознала это.

— С моим мужем. Бывшим мужем.

Еще немного мы побродили по той местности, а потом двинулись в сторону жилых комплексов. Единственное, что в этом дне немного беспокоило меня, так это случайная встреча с Морганом (тем самым лучшим другом Жака и заведующими по набору актеров), увидевшим нас с Льюисом, мило беседующих на выходе из сада. Эта встреча грозила мне плохими последствиями.

30 июня 2141 год.

Просто поверить не могу. Вернувшись домой на следующий день после прошлой записи, я обнаружила в своей квартире ужасный погром. Я стояла на пороге шокированная, когда из соседней комнаты вышел Жак, держа в руках мой дневник. Он болтал им в воздухе и ухмылялся, а потом открыл страницу, в которой уже был загнут край листа. Уже успел сделать закладку.

— «Промелькнуло в голове: «Будут ли там так же красиво петь птицы?». А будет ли там вообще что-то кроме меня и...» — Жак, подражая моему голосу начал читать мои же слова. Я попыталась выхватить свое имущество из его лап. Схватила его за запястье, чем вызвала его злость. Он так дернул рукой, что меня немного отнесло назад. — Стой на месте, Иуда.

— Что ты вообще забыл в моей квартире? — Мне было противно находиться в этой ситуации, мне было противно находиться в этой квартире, мне было противно находиться рядом с ним.

В дверях, которые я не закрыла, появился человек в форме. Такую форму я уже видела в нашей поездке с Жаком: одежда работников властей.

— Мы пришли сюда, рассчитывая найти какие-нибудь вещи мистера Лаймана, хотели уволить его за nepозволительное поведение, использование его полномочий, но нашли нечто более интересное, — он потряс в руке мой дневник, а потом кинул его человеку в дверях. — Теперь если ты вздумаешь уйти от нас, нарушив контракт, ты в любом случае будешь мертва для государства. Они просто не захотят помочь девушке, которая не смогла удержать одну простую тайну и угрожала компрометировать весь совет.

Двигаясь к выходу, он прошел мимо меня, положив руку на плечо и немного остановившись. Я не видела, но буквально чувствовала, как на его лице появляется та самая злорадствующая улыбка, которую он постоянно пускал в ход. Уши холодели от его дыхания.

— Ах да, мы немного поменяли сценарий, ты умрешь не в конце, а чуть позже середины. У тебя две недели.

1 июля 2141 год.

Теперь уже официально: моя смерть намечена на пятнадцатое июля, вечер. Мы доснимем за неделю все небоевые сцены, затем одну легкую боевую, после которой мне не потребуется отдых в медицинском острове, а потом... день X.

Не знаю... Совершенно не знаю, что сказать. Наверное, стоит наслаждаться каждым оставшимся мгновением и пополнять этим новый дневник. Максимум еще четырнадцать записей, но я боюсь, что меня не хватит и на пять. Пойду схожу к Льюису.

2 июля 2141 год.

Сходила. Мы посидели молча, каждый из нас понимал ироничность и трагичность этой ситуации. Жак хотел найти в моей квартире доказательства того, что мы любовники, но не смог бы, ведь мы просто очень хорошие друзья. Нет, мы не смогли бы с Льюисом любить друг друга, нет, нет. Мы слишком разные для этого.

Вместо этих доказательств любви, которые бы нисколько не повредили мне, Жак нашел вещь, которая сократила срок моего существования в два раза.

Не могу больше писать, кажется, теперь за мной постоянная слежка. Они не должны увидеть, что у меня есть еще один дневник.

3 июля 2141 год.

Сегодня решила снова позвонить Александру, ведь в конце концов, я могу больше никогда и не услышать его голос. Пробовала звонить со своего устройства – ответа нет. Подумала, может Джон все-таки знает о моем прошлом звонке и заблокировал меня. Тогда я пошла к Льюису и позвонила с его устройства – ответ.

Я снова слышала это детское лепетание в ушах. В этот раз я просто не должна была молчать.

— Сандр?

Неразборчивая речь, но я не могла не понять:

— Мама?

Я слушала как он пытается говорить что-то, запинаясь, смеется, и этого мне оказалось достаточно.

4 июля 2141 год.

Сегодня встретила актеров второго фильма, того, что начнут снимать после моей смерти. Эта молоденькая девушка с розовыми прядями... она не отходила от меня, постоянно спрашивала что-то, говорила, что «мой большой фанат», просила расписаться на десятках простых белых футболок. Думаю, она собралась продавать их после того, как я умру. Хотя... может и до.

Еще нам показывали примерный список будущих фильмов. Впечатляюще, но я не уверена, что компания доживет хотя бы до третьего. Вот выйдут первые два фильма, люди разочаруются так же, как и я, и Государство прикроет эту лавочку из-за невыгодности.

8 июля 2141 год.

Только что вспомнила о дневнике... Забыла о нем на четыре дня. Скажу честно, без него мне проще: не приходится вспоминать все то, что ежедневно происходит со мной. Но сейчас...

Эти дни я постаралась максимально провести с единственным человеком, который мне сейчас дорог – с Льюисом. Об этом вспоминать чуть более приятно.

Мы провели в саду...

9 июля 2141 год.

Вчера снова не смогла закончить записи: в дверь кто-то постучал, и я была вынуждена спрятать дневник в свой новый тайник.

Сегодня ничего нового.

10 июля 2141 год.

Жак поведал мне о том, что я должна буду сняться в ролике, который пойдет в пиар компанию. Я отказалась.

11 июля 2141 год.

Сегодня он приходил ко мне с людьми в форме и угрожал, что, если я не выполню все их условия, они навредят моему сыну. Пришлось согласиться.

Теперь на ролике я должна буду показать себя из прошлого, себя из начала конфискованного дневника. А потом должна буду умереть.

12 июля 2141 год.

Пытаюсь смириться. Не получается.

Смерть для меня неведома и, кажется, нереальна. Не верю, что она может со мною случиться.

13 июля 2141 год.

Смирилась.

Поняла, что смерть – конец неудачной партии в покер. Ты либо уходишь, обыграв всех и получив, все, что хотел, либо – без ничего.

Я, видимо, не знала правил.

14 июля 2141 год.

Последний рывок?

15 июля 2141 год.

Сейчас утро. За окном отличная погода, а за дверью уже стоит Льюис. Я слышу, как он топчется у порога, не решаясь постучать. Кричу: «Заходи».

Если быть математиком, то осталось восемь часов, а если человеком – неважно. Все последние мгновения, сколько бы их не было, буквально пахнут смертью. Скоро я привыкну к этому запаху.

Сейчас мы выдвигаемся на площадку. Я доверяю дневник Льюису, он единственный, кому могу.

Что говорят в таких случаях на прощание?

В добрый путь?

Глава 4.

Дастин Верум. 2171

Совсем недавно Александр решил использовать связи, которые у него накопились за всю жизнь и применить их для теперь уже нашего исследования. Когда он говорил об этом, я и подумать не мог, что он имел ввиду. Думал, ну свяжется со своими давними друзьями из университета, спросит у них, могут ли они чем-то помочь, найти какие-то материалы, а потом заставит их это сделать, если они не согласятся. То есть, говоря простыми словами, полностью повторит мой путь. Но Александр не просто повторил мой путь с какими-то обыкновенными друзьями, которые найдут ему информацию. Нет, этот человек превзошел меня, да и к тому же еще и сделал это с таким видом, будто не понял этого. А он еще удивлялся, когда я рассказывал ему о своих «людских ресурсах», использованных в работе над этим исследованием. Мол, как это можно так просто уговорить человека, работающего в Государственном учреждении первой важности (после Крепости Государства) выдать тебе всю нужную информацию просто опираясь на то, что когда-то в детстве вы учились в одной школе. Приятно, конечно, но не так уж и удивительно.

Так вот Александр, которого мне теперь хочется в шутку называть Македонским, связавшись со своими старыми друзьями из «прошлой жизни» (как он сам ее называл), поговорив с ними некоторое время, выяснил, что у него есть возможность выйти на людей, связанных с «черным рынком». Грубо говоря, люди с «черного рынка» — это очень умелые воры, живущие при этом обычной жизнью и, скорее всего, работающие на Государство. То есть они, ежедневно рискуя не только своей работой, но и своими жизнями, воруют материалы со штампом «совершенно секретно». Очевидно, люди «черного рынка» не просто крадут материалы безвозвратно, нет, это было бы глупо и опрометчиво. Они берут материалы, очень быстро копируют их, а оригиналы кладут на место, будто бы ничего и не было. Схема простая, но судя по тому, что я читал по этой теме – немногие понимают механизм работы этих ребят.

Конечно, Государство пытается бороться с ворами и лазутчиками, обитающими в их сфере, но как оказалось, вычислить предателя довольно сложно, а даже если их вычисляют, «черные купцы» (так их порой называют) не говорят ни слова о своих собратьях. Довольно похвально для «черного рынка», но крайне печально для властей.

Для борьбы со врагами в своем тылу Государство даже делала глобальные зачистки сотрудников в 2168, но это не то что не помогло, напротив – это еще больше усугубило ситуацию: черные купцы обозлились и начали вести свою деятельность еще более активно и агрессивно. Казалось бы, что мешает Государству понаставить охраны в секретные архивы, находящиеся в Крепости Государства? Ответ столь же прост: они так и сделали. Тем не менее, «черный рынок» все равно находит пути, благодаря которым все их действия остаются невидимыми. У меня есть теория, что «черные купцы» на самом деле ниндзя, иной разгадки этой тайны я просто не нахожу.

К слову, о купцах: существует наиболее распространенное мнение о том, что это потомки людей, до сей поры не принявшие уже закрепившуюся революцию, сделавшую Единое Государство таким, каким мы его знаем сейчас. Да, несомненно, в нашей уже постреволюционной истории есть и грустные, неудачные моменты, но куда без них. Купцы же так не считают.

Я все же не могу привести вам их видение мира, поскольку до сих пор ин разу не встречал ни единого представителя данной группы людей, чему мне, наверное, стоит радоваться. Я все-таки

не совру в суде, если меня вдруг спросят о том, связан ли я каким-то образом с людьми «черного рынка». А мне почему-то кажется, что после выхода моего исследования в свет, я очень скоро окажусь в Крепости Государства и предстану перед Главным Судьей как обвиняемые в раскрытии Государственных тайн. Этот приговор сулит мне не просто наказание лишением свободы, а, вероятнее всего, депортацией в Космическую тюрьму на орбите.

Космическая тюрьма, возможно, является для вас чем-то новым и доселе не знакомым. Я вас понимаю, сейчас и многие люди, проживающие в наше время, не знают о месте, где вершат правосудие. Я и сам бы не знал, если бы не Александр, как-то сказавший:

— Нам грозит местечко в Космической тюрьме.

Чаще всего в эту тюрьму попадают только люди, совершившие преступление, касающееся сугубо государственных проблем: раскрытие тайн, сокрытие важной информации, измена, пропаганды восстаний и прочие действия, угрожающие власти Государства. Хотя были и просто смешные случаи, недостойные внимания главных людей страны, в большинстве ситуаций преступники, сделавшие что-то, что могло обозлить Государство, действительно были людьми, угрожавшими мирному существованию власти в том виде, в котором она есть сейчас. По крайней мере так мне рассказывал один знакомый Александра, с которым он связал меня по моей просьбе.

Все эти «государственно важные дела» ведутся в строгой секретности, чтобы не вызвать диссонанс в обществе, итак, исторически склонном к волнениям. В толпе людей всегда найдется глупец, который будет кричать что-то, что тронет сердца людей и они рванутся защищать человека, способного перевернуть их жизни с ног на голову.

Сейчас я преподношу все это так, будто являюсь ярким фанатом Государства и поддерживаю его во всех его начинаниях. То есть... конечно, я люблю наше Государство. Я люблю факт того, что все уголки мира, которые раньше были суверенными государствами, теперь объединены в одно большое единство, благодаря которому мы достигли того, что имеем. Во многом благодаря этому воссоединению мы двинули прогресс так быстро и, можно даже сказать, так легко: все умнейшие люди объединились, создали сообщество несравнимое ни с одним прежде существовавшим и начали творить новую историю, непохожую на старую. Да, прежде чем мы стали едины мы прошли огромный путь войн, почти довели мир до коллапса, почти уничтожили нашу цивилизацию, но все же оно того стоило. За мгновение до смерти мы смогли подняться на ноги и победить самих себя.

Но в моем отношении к Государству есть и иная сторона: я абсолютно не согласен с их нынешним способом управления этим большим простором. Даже не так, нет. Я не согласен с отдельными аспектами правления властей.

Думаю, каждый из нас понимает, что править даже маленькими прежде существовавшими странами было не так просто, а уж теперь, когда весь мир (за исключением нескольких точек на карте) объединен в одну большую страну, править ей стало в сотни раз сложнее. Я только хочу сказать, что Государство ведет себя слишком таинственно: они создали тайные группировки (на самом деле являющиеся не таким уж и тайными), которые следят за отдельными слоями населения, ввело огромную секретность во все сферы своего влияния, да и вообще все, что связано с государственными делами находится под каким-то ореолом тайны. Но я отошел от темы и забыл рассказать о самом важном, а именно о том, что именно Александр достал на «черном рынке».

Как оказалось, все люди, попадавшие в кинокомпанию «ВТОРОЙ ПРОРОК» рано или поздно начинали вести если не дневник, то просто какие-то записи о своей жизни. У нас не было

самих записей, но у купцов мы взяли список людей, которые писали свои истории. Оставалось только найти сами рукописи.

Я проследил откуда это началось (не считая дневника Сандра, который она в отличие от других вела и до своей связи с компанией) и установил странную закономерность: первой стала та самая фанатка Сандры, о которой девушка писала. Остается вопросом начала ли Мэри (фанатка, о которой речь пойдет дальше) писать о своей жизни только потому что так делал ее кумир, или же она делала это по каким-то более веским причинам, о которых вы узнаете чуть позже. Факт остается фактом: Мэри стала первой, а уже после нее, многие каким-то странным образом узнавали о необходимости вести эту некую летопись и начинали повествовать обо всем, чтобы происходило с ними в период съемок в фильмах компании. К слову, как ни странно, но все те записи, которые мы находили, были написаны именно от руки. Я оправдываю это тем, что, судя по уже приведенным дневникам Сандры, писать на бумаге было хоть и не самым безопасным способом, но хотя бы чуть более безопасным, чем на любых других носителях. Причина на мой взгляд довольно проста: любую технику проще взломать и получить оттуда всю необходимую информацию. Даже роботов в Государственной библиотеке, как мы знаем, оказалось не так уж и сложно перепрограммировать.

Рукописи, которые сохранились, видимо тоже в конце концов были найдены более человеческими работниками компании, но все же не отправлены на хранение в уже известное нам место. Видимо, они просто отправили бравым ребятам купцам анонимный список. Я как исследователь, а Александр как просто очень заинтересованный в этой теме человек – оба благодарим смелых рыцарей запретных материалов. Мы не забудем вашей помощи и когда-нибудь отплатим вам (если конечно останемся на свободе). Но все же перейдем к долгожданным материалам.

Дальнейшие записи вставлены мной неслучайно (пишу это уже после того, как нашел записи. Как все-таки нашел расскажу позже): я просмотрел около десяти подобных рукописей и выбрал три самые яркие, отражающие всю суть «ВТОРОГО ПРОРОКА» в восприятии людей, оказавшихся в абсолютно непохожих ситуациях. Все эти люди на данный момент мертвы, поэтому спрашивать их разрешения на использования материалов мне, к счастью, не приходится.

Мэри Кларк. 2141

Я сама не понимаю, как это произошло, но моя жизнь повернулась на градус, благодаря которому я какое-то время была самым счастливым человеком на планете. Как только я прочитала в новостях о том, что Сандра подписалась на новый проект, сразу начала искать всю существующую информацию. Искать долго не пришлось: у них была огромная рекламная компания, которая буквально заявляла о сути самой компании в первом же абзаце. Я была просто в шоке.

Моя любимая актриса заявила о том, что скоро умрет. Просто представьте, УМРЕТ! То есть... навсегда.

Я очень долго не могла смириться с этой мыслью, думала о том, какой же это все-так бред, да и вообще может это все лишь слухи, а Сандра вскоре откажется и найдет новый проект, в котором захочет поучаствовать. Но время шло, апрель подошел к концу, и в новостях появились статьи о том, как проходят только что начавшиеся съемки первого фильма кинокомпании. Стало понятно, что вся эта затея была настоящей, и оставалось только смириться.

Но как только я свыклась с мыслью о том, что возможно никогда не встречу со своим кумиром, и вообще скоро ее не станет, в мою жизнь влетела еще одна новость, которая, как я уже сказала, все кардинально изменила.

В середине мая начался официальный кастинг на главные роли второго фильма, съемки которого должны были начаться осенью. Как сейчас помню свое волнение после того, как отсняла требуемое голографическое видео, в котором требовалось отыграть одну сцену из любимого фильма. Можно легко догадаться, что я решила примерить на себя роль Сандры.

В общем, вскоре после отправки анкеты и видео, мне пришел ответ: через неделю начинался очный кастинг, и вот тут началось самое странное. Когда я приехала в офис компании, то увидела, что на ту же роль, что хочу и я пришло еще очень много людей. Даже сложно сказать сколько примерно, потому что сколько бы я не шла по тому длинному коридору, девушки все стояли и стояли и все были примерно похожи между собой. Я была не исключением и выглядела примерно так же, как и все они. Тогда-то я и поняла, кто именно пришел на этот кастинг: меня окружало огромное количество фанатов Сандры и у всех был одинаковый шанс. В тот момент я даже хотела развернуться и уйти, но на экране, который контролировал очередь, наконец появилось мое имя.

В помещении, куда я попала после этого почти не было света. Казалось, тут была создана такая атмосфера, чтобы максимально расположить человека. Ну или это только мне было очень комфортно осознавать, что в темноте меня не так уж и сильно видно. Свет же здесь все-таки был: луч прожектора светил в одну точку, внутри которой стоял стул. Посмотрев в ту сторону внимательнее, я заметила, что на стуле лежал нож. Мои ноги медленно начали вести меня к свету.

Когда я оказалась в этой единственной освещенной точке во всем помещении, я почувствовала себя крайне некомфортно: казалось я не вижу никого, но вокруг меня тысячи людей, которые сидят на трибунах и с особой внимательностью рассматривают каждое мое действие. Словом, я была под прицелом.

Еще несколько секунд я стояла без каких-либо действий, ждала чего-то, кого-то, а затем над моей головой раздался голос.

— Назовите свое имя, возраст. Громко.

— Мэри Кларк, девятнадцать лет.

Снова наступила несколько секунд тишина, в которой, если сильно прислушаться, слышались перешептывания. Затем снова все стихло. Я уставилась на нож, отражающий единственный луч света. Даже без прикосновения было понятно, что лезвие наточено очень остро.

— Вы подписывали бумаги при входе? — голос казался немного сомневающимся. Как ни странно, я помнила содержимое этих бумаг. В них говорилось о том, что в случае чего компания не несет ответственность за жизнь человека. Все бездумно подписывали.

— Конечно.

— В таком случае берите нож и садитесь на стул.

Я сделала то, что они сказали.

В поле моего зрения, войдя в луч света, появился молодой парень. Он был высок, но сложен не слишком плотно, можно даже сказать, что ему немного не доставало веса. Я посмотрела на его руки: в них был пистолет.

— Сейчас вы должны будете сыграть сцену, в которой этот молодой человек – ваш злейший враг. Вы втыкаете нож в точку, нарисованную на его футболке, начинаете убегать. В ответ на это, шокированный парень, держась за нож, торчащий из живота, стреляет в вас, но попадает лишь в ногу. Напоминаю, что вы в праве отказаться и уйти.

Не знаю почему, но я не думала ни секунды, просто сказала: «Играем». Когда же встала со стула, то поняла, что мои ноги трясутся так, словно в комнате было сильнейшее землетрясение. Нет, я не боялась, что в меня стрельнут. Это было для меня чем-то обязательным, но вот то, что должна была сделать я... казалось нереальным, отдаленным. Смогу ли я, решусь ли?

Мы расходимся по точкам, которые обозначены в нашем небольшом круге (который, кстати, значительно увеличился, пока что нам обговаривалась сцена). Парень смотрит прямо мне в глаза и немного улыбается, словно давая разрешения. Я улыбаюсь в ответ – я тоже не против. Еще какое-то время нам дают, чтобы подготовиться морально, думаю, минуты две или три, но для меня это было что-то мимолетное, неуловимое. Все пролетело за пару секунд, послышался писк.

Парень начал говорить слова, которые, видимо у него были по сценарию. У меня же не было ничего кроме действий. В какой-то момент своего монолога «напарник» подмигнул мне, и я восприняла это как знак. Сейчас или никогда.

Сама не помню, как, но я рванулась с места и буквально за пару секунд добежала до парня, который, казалось, был уже готов почувствовать боль. Я уже была рядом с ним стояла вплотную, смотрела ему в глаза, надеялась, что мне не придется этого делать, но все же сделала. Рука со всей силы двинулась вперед, и я почувствовала, как рвется ткань футболки, а затем поняла, что лезвие входит в ту самую точку. Пути назад не было.

Развернувшись и даже не посмотрев на то, что я только что сделала, я начала медленно отбегать. Может я и хотела двигаться чуть быстрее, но и до этого не слушавшиеся ноги теперь вовсе отказывались работать. Я же в свою очередь отказывалась думать о том, что произойдет через несколько мгновений.

Послышался выстрел, я упала. Не могу сказать точно, что я ощущала, была ли это дикая боль или нечто, что я уже испытывала ранее: я не помню. В памяти осталось только то, что в луче света в ту же секунду появились врачи, которые первым делом подбежали к парню, уже упавшему на пол. Мне было страшно смотреть на него, ведь казалось, что он умирает. Все расплывалось, но я помню, как мы встретились взглядами, не выражающими ничего. Через пару же секунд вокруг меня уже крутились два врача, заматывая мне ногу.

Уже в госпитале я узнала о том, что получила главную роль в предстоящем фильме. Человек, который говорил мне об этом был никем иным, как главным по отбору каста. Когда же я спросила его о том, почему именно я, он ответил:

— До тебя никто не решался воткнуть нож в человека, а для нас было важно, чтобы актер был готов сделать все с первого дубля, ведь второго может просто не быть. После же тебя было смотреть незачем: ты подходишь нам по всем параметрам, так что мы решили просто не тратить время.

И после того, как я прошла курс лечения, я отправилась домой ждать приглашения на съемки.

Как оказалось, в самом начале июля, в последние две недели съемок первого фильма «ВТОРОГО ПРОРОКА» я и другие актеры, прошедшие кастинг и теперь официально являющиеся членами актерского состава нашего пока еще неизвестного фильма, приехали в павильон, где проходили съемки. Все выглядело очень масштабно: повсюду были огромные голографические декорации, придающие всему съемочному процессу удивительную реалистичность, люди бегали вокруг тебя, создавая согревающую душу суматоху. Хотелось выйти из рядов новобранцев и поскорее присоединиться к уже бывалым актерам, стать частью этого большого, неразборчивого беспорядка.

Актеры не знали, но мы, так сказать их приемники, смотрели за тем, как они играют. Глазами я пыталась найти единственного важного мне человека: Сандру. Вы, кто бы вы ни были, наверное, думаете, что я какая-то помешанная фанатка, почти что маньячка, и, может, для кого-то это так и есть. Но, знаете, у всего есть своя особенная история.

Я была подростком, когда впервые увидела фильм с участием Сандры, которая тогда была чуть старше меня сейчас. Честно говоря, это был самый обычный фильм, повествующий о трагической истории любви – классика жанра. Я помню, как впервые посмотрела его, сидя со своими отцом и матерью. Им этот фильм показался совершенно обычным и сейчас, по прошествии стольких лет, может я и могу согласиться с ними, но... он имел для меня значение совсем не потому, что отличался каким-то неповторимым сюжетом или другими составляющими, нет. Это был фильм, который мы с нашей маленькой семьей пересматривали еще очень много раз.

Дело в том, что в те времена, и так бедствующее Государство было в особенно грустном и драматичном положении. В некоторых его районах, ранее принадлежавшим особенно воинственным и отдаленным странам, в то время проходили постоянные восстания, которые власти подавляли быстро и весьма жестоко. Если же в разгневанной толпе совершенно случайно оказывались невинные люди, то для них все кончалось более, чем плачевно. Я бы даже сказала, что для них просто все кончалось. Моя семья жила в одном из таких районов.

Поначалу, когда бунты только набирали обороты, мы думали и надеялись, что все это очень быстро прекратится и мы снова сможем жить обычной жизнью. Я ходила в школу, общалась со своими друзьями, верила в лучшее. Я была влюблена, мечтала о своей собственной семье, была подростком. А затем восстания превратились в бойню.

В поисках людей, начинающих все это, работники властей обыскивали все существующие в нашем городе места: они забегали, осматривали каждый уголок и в случае сопротивления избавлялись от проблемы на месте. Их не волновало были ли там дети, видели ли они это, для них было главным – выполнить свою работу, а для нас – выжить. И мы выживали.

Моя семья была нисколько не связана с так называемыми «революционерами», но и нам приходилось прятаться. Я перестала ходить в школу, перестала связываться с друзьями, чтобы не знать о смертях, перестала быть собой на некоторое время. Все, чем мы занимались это смотрели фильмы, которые были записаны у папы на чипе. Фильмов было пять, а времени — навалом, поэтому мы решили, что будем экономить наши средства развлечения и смотрели один фильм, растягивая его на несколько дней.

По счастливой случайности тот самый фильм мы начали смотреть самым первым. Он шел почти три с половиной часа, но тем не менее я заставила родителей посмотреть его за вечер, а потом каждый день еще около недели просила их включить его заново.

Я не могу и не хочу сказать, что этот фильм как-то изменил мою жизнь, повернул ее в лучшую сторону. Но он стал моим проводником в тот период времени, когда многие мои друзья

погибали жертвами свои старших братьев и сестер, решивших поиграть в переворот. Мы ежедневно слышали звук, которое издавало особенное оружие работников властей: противный протяжный писк, оглушавший тебя не столько звучанием, сколько своим значением. «Писк» и мы теряли десятки, а порой и сотни людей. Еще один «писк» и их тела были уже испепелены. Повсюду валялись угольки.

Когда родители уходили в магазины за едой, дождавшись ночи, когда смерть утихала, я сидела у них в комнате и надеялась, что они вернуться и они всегда возвращались.

После своих вылазок они всегда приходили немного запыленные, а мне было страшно смотреть на них: они знали, с чем сталкивались на улице, но не могли ничего сказать мне. Я ничего не должна была знать, но я знала и от этого не становилось лучше. Но все это в итоге оборвалось очень странным, но умным образом. Государство сделало ход конем.

В тот год, когда мы наконец обрели спокойствие, в главный совет Государства вошел человек, изменивший многое в жизни не только нашего района, но и всех других. Этот человек предложил прекрасную идею, чтобы навсегда покончить с безумцами, создающими этот хаос: он предложил им частичный суверенитет. Бунтовщикам давался целый континент – Австралия, на котором они были вольны строить любой государственный строй, независимо от Единого Государства. Условия же создания этого были таковы: во-первых, они обязались спокойно отпустить всех людей, которые захотят жить в Государстве, а во-вторых, они должны были подписать договор против каких-либо враждебных действий в сторону своих политических соседей. Все условия были учтены и уже теперь две страны пришли к соглашению. С тех пор на планете стало два государства: одно как следствие долгого объединения всех наций, а вторая как пристанище для тех, кому не по душе первый вариант. Но вернемся к нашему путешествию по студии «ВТОРОГО ПРОРОКА».

С собой я взяла двадцать (а может даже чуть больше) футболок, на которых хотела попросить расписаться Сандру. Это, наверняка, звучит странно, но все эти футболки были мне действительно нужны: многие мои друзья просто молились на меня как на человека, у которого у единственного есть шанс встретить саму Сандру Хейз. Да и к тому же я была бы не прочь иметь пару-тройку футболок про запас, чтобы в случае чего у меня всегда был вариант, который я могла бы использовать. Я действительно порой вела себя как сумасшедшая, не отрицаю.

Когда я наконец встретила Сандру, я, естественно, была вне себя от радости. Я прыгала вокруг девушки, постоянно пыталась поговорить с ней, но она выглядела слишком что ли... грустной. Она все пыталась оторваться от нас, натянуто улыбалась всем нам, говорила о том, как ей понравилось, а как только мы отворачивались, она начинала двигаться в абсолютно другую сторону. То есть, конечно, я понимала, что уже совсем скоро ей предстоит сыграть самую главную сцену во всей ее актерской карьере, но все же я не могла понять почему она ходила окруженная таким ореолом трагедии. Все-таки она ведь активно агитировала всех в рекламных кампаниях, чтобы люди поднимались, шли репетировать у зеркала, а потом прямиком в компанию «ВТОРОЙ ПРОРОК». Может конечно, она все еще была тем же агитатором, но в ней даже после столь незначительного общения все же чувствовалось внутреннее напряжение. Я так смело говорю об этом, потому что я как никто другой разбираюсь во внутреннем напряжении, можно даже сказать представляю его в земном мире, хоть по мне чаще всего так и не скажешь: для людей я стараюсь быть как можно радостной и позитивной, пытаюсь излучать то, чего у меня обычно даже нет, но что мне иметь хотелось бы. А Сандра же излучала лишь печаль и меня это несколько угнетало, так что я всячески пыталась обрадовать ее. Ходила, говорила о том, какая я большая фанатка, как ее творчество изменило мою жизнь в лучшую сторону, о том, как я благодарна ей за то, что она хоть и косвенно прошла этот путь со мной, но

в ответ она лишь безэмоционально поблагодарила меня. В итоге я оставила эти попытки и просто дала ей все оставшиеся для подписи футболки.

Совсем скоро, пятнадцатого июля, мы все узнали о том, что съемки завершены, а Сандра... мертва. Первое время после этой новости я была зла. Не на нее, не на кого-либо другого, а только на саму себя. В первую очередь я злилась потому что чувствовала разочарование: смерть наступила, но не произошло ничего грандиозного, ничего не изменилось. Я всегда думала, что когда случится такое важное для истории кинематографа событие, то непременно загремят оркестры, повсюду вывесят яркие плакаты и обязательно произойдет что-то еще, что-то такое же потрясающее как то, в чем поучаствовала Сандра. Но когда же я поняла, что ничего это не будет, во мне проснулась морская буря, я негодовала от самой себя: почему все это время я была так глупа. Я слепо поклонялась обычному человеку, просто случайно вошедшему в мою жизнь в один из ее худших периодов. Я так глубоко ошибалась во всем этом, ведь все, что со мной было – лишь часть моего небольшого пути. Часть пути каждого человека. Я же сделала из этого какое-то представление. А самое грустное в моем осознании глупости было то, что я уже совершила глупый поступок, который не могу изменить: слепо пошла на смерть только потому, что так сказала какая-то девушка с экрана. Контракт же уже подписан и ничего поменять нельзя, так что я просто смирилась и начала жить так, чтобы в последний день своей жизни запомнить все, что было.

Съемки начались только в ноябре. До тех пор я постоянно занималась чем-то, чему раньше не уделяла никакого внимания. Ну знаете, научилась играть на старинных музыкальных инструментах, посетила несколько районов Государства, в частности город, в котором находилась главная библиотека. Я застала его в его расцвете: все строилось, расширялось и казалось, что эта стройка не прекратится никогда, и в итоге вся земля станет одним большим хранилищем знаний. После библиотеки я решила немного рискнуть и посетить Свободный Край (тот самый остров, на котором теперь жили отщепенцы и просто люди, не желавшие жить в Государстве), посетить места, в которых мы жили тогда, когда я была ребенком.

Прилетев на остров, я встретила совсем не то, что ожидала. В моем воображении я думала, что окажусь в месте, охваченном хаосом и разрухой, повсюду будут сновать бедные, несчастные люди, и каждый из них непременно захочет погнаться за мной и побить только потому, что я чужестранка. На деле же все оказалось совсем не таким: я увидела место, по спокойствию сравнимое с Государством, люди тут не то что не были бедны, они нисколько не отличались от тех, с кем я жила на родине. Конечно, было и то, что я совершенно не поняла: как оказалось они разделили свою новую страну на округа, которые были независимы друг от друга. Грубо говоря, они вернули тот строй, от которого мы ушли. У меня даже состоялся разговор с одним старым человеком, который давал мне комнату, в которой я смогла бы пожить несколько дней.

— Но почему... зачем вам это деление?

— Вам, жителям Государства, этого не понять. Вы привыкли жить так, как вас учат это делать: вы работаете для страны, учитесь для страны, творите для страны, живете для страны. У вас нет своих собственных интересов, вы думаете только о том, что хочет все общество. Никто из вас и думать не хочет о том, чего хочет он сам. Вы просто слепо подчиняетесь навязанному вам мнению: все, что ты делаешь, должно в первую очередь нести пользу для других, а уж потому для тебя. Конечно, у вас это еще не перешло в самую крайнюю форму. То есть вы все еще люди, у вас есть желания, есть потребности, есть эмоции, и во многом вы все еще следуете зову сердца. Но вы все же кардинально отличаетесь от нас вот в чем: в отличие от вас, каждый из нас живет не только для других, но и для себя. Мы живем, делаем то, что двинуло бы нас вперед, что помогло бы процветать обществу, но в другое время мы делаем и то, что нравится нам. Мы создаем общины людей по интересам, мы вернули религию, потому что она помогала

некоторым людям смириться с жизнью. Конечно, религия для большинства не играет никакой роли, поэтому люди решили сделать свои районы, в которых они делали бы то, что важно для них. Мы же им не мешаем, ведь они все еще часть нашей страны. Для нас главное – свобода, для вас – свое жертвоприношение.

Этот его монолог должен был оказать на меня хоть какое-то действие, хотя бы вызвать злость, неприязнь, может желание побыстрее убраться оттуда, но он не вызвал ничего. Я просто приняла это, учла, как возможную точку зрения и отпустила мысли об этом в далекое плавание. Но все-таки мой мозг занимали кое-какие мысли об этом: в чем-то этот старик все же был прав. В большинстве своем мы живем не для себя, пытаемся угодить другим, выжать из себя все соки. Но было в его мнении и то, что он не учел. Перед лицом смерти мы все думаем только о себе.

Когда же начались съемки для меня стало приятным удивлением то, что я вскоре узнала. Тот самый парень, который был моим напарником на кастинге, оказался моим напарником и по фильму. У него была одна из главных ролей, но в конце он не умирал. Он получал очень тяжелое ранение, но оставался одним из тех, кто выжил.

— Эй, привет, это же ты мне нож в живот воткнула, — я впервые встретила его в буфете, после первого съемочного дня. Прежде я не замечала его.

После его слов я посмотрела на него и, увидев кто это говорит, улыбнулась. Я была удивлена увидеть его, так что совершила поступок, который был мне очень свойственен, но который как правило нервировал других: я встала из-за стола и подошла к новому знакомому, чтобы обнять. Как ни странно, он нисколько не удивился и даже сделал то же самое. Видимо, мы оба были чудаками.

— Я не видела тебя сегодня на площадке, ... — я не смогла закончить свои слова, потому что не знала его имени.

— Фаусто Мартин, твой новый друг и человек, которого ты почти лишила жизни, — после последних слов он немного посмеялась, потому что увидел мое лицо (а я была очень смущена тем, что почти убила его), — Сегодня у меня еще не было съемок, я начинаю сниматься только через пару дней, а пока что хожу, осматриваю тут все.

Мы еще немного поболтали, а потом разошлись по своим квартирам. По пути домой я долго думала о том, что этот парень мне понравился, а как потом оказалось, я понравилась ему тоже, так что вскоре у нас завязался тайный роман.

Мы ходили по саду у павильона, спускались к небольшому озеру, уходили еще дальше (чуть дальше озера был довольно густой лес), возвращались ночью, чтобы нас никто не видел. В общем, все свободное время мы проводили вместе. А потом начал приближаться день моей смерти. Мы не хотели говорить об этом, всячески избегали этой темы, но в один день нам все же пришлось это обсудить.

— Я не знаю, что я буду делать после того, как потеряю тебя, — Фаусто был очень разгорячен всем этим. Он не сводил с меня глаз. Я же боялась смотреть на него так долго.

— Ты знаешь, ты меня не потеряешь. Как бы банально, это не звучало, но я всегда буду с тобой, ты же понимаешь, — я попыталась успокоить его. Гладила его по щекам, обнимала, делала все, что могла. Фаусто был непреклонен.

— Нет, я ничего не понимаю. Мы же оба решили, что вся эта раньше симпатизировавшая нам идея на самом деле полнейший бред. Ты не получишь ничего от того, что умрешь. Ты просто перестанешь существовать, а я... я не смогу жить без тебя. Не теперь.

Мы еще долго говорили с ним об этом, потом оба начали плакать, а потом снова успокоились. На следующий день я узнала о том, что он ходил к Жаку, чтобы поговорить о моей грядущей смерти. Разозлился, начал орать на него, а затем кидаться с кулаками. Охрана Жака ворвалась и, чтобы защитить своего боса, избил Фаусто. Его отправили в госпиталь.

Когда я пришла, он уже был в сознании. У него было покалечено все лицо, сломана рука. Честно сказать, я была удивлена, ведь при любых травмах в больнице «ВТОРОГО ПРОРОКА» сразу же использовали аппарат, способный «починить поломку» за буквально полчаса.

— Жак запретил им оказывать мне помощь. Меня отстранили от дальнейших съемок. В сюжете просто изменяют все так, будто я куда-то уехал или умер, — он смотрел на меня виноватыми глазами. Я чувствовала, как мое сердце разбивается. — Извини, я не смог удержаться, думал, что смогу уговорить его как-то обыграть все это, но... сглупил. Меня вышлют отсюда, как только я смогу встать на ноги, то есть через пару дней меня здесь уже не будет.

Я не смогла ответить ничего тогда, просто расплакалась, смотря на него. Все то время я тешила себя надеждами, что все плохое теперь обходит меня стороной. Прошли бунты, и я была больше неприкосновенна для горя. Я ошибалась. Теперь, когда все, что было важно для меня в последние дни моей жизни, начало исчезать, я со всей серьезностью взглянула правде в глаза: всему приходит конец. Глупая, думала, что за секунду до крушения, корабль отрастит крылья и полетит, а он лишь намеренно наплыл на айсберг.

— Думаешь то, как мы проживаем жизнь имеет какой-то смысл? — Мне хотелось спросить что-то большее, но смотря на Фаусто я почему-то вспоминала свою поездку в Свободный Край и того старика. Он тогда смотрел на меня таким же взглядом полным свободы и какой-то страшной решимости, словно для него было ничего не страшно.

Фаусто повернулся к окну и начал говорить.

— Мы хотя бы задумываемся о том, что в мышеловке, а некоторые мыши так и умирают, думая, что делают все правильно.

Он повернулся и взял меня за руку.

— И что теперь? — Я заметила, что у меня дрожит голос.

— Я бы хотел сказать, что мы попытаемся сбежать, попытаемся выбраться, но, думаю, мы оба понимаем, что это неправда, — он улыбнулся мне и я вспомнила нашу первую встречу. — Ты ведь тоже помнишь? Мы встретились и чуть не погибли от рук друг друга, а теперь ты умрешь по своей же воле. Я уйду и, кто знает, может скоро умру по своей.

Но у меня уже кончается время, а я так и не сказала то, что хотела. Сейчас последний день съемок нашего фильма, я сижу в своей комнате, через три часа укол и съемки последней сцены. Я села писать это потому что узнала, что Жак уже начинает кастинг на следующие фильмы, а я не хочу, чтобы после меня так же страдали люди. По крайней мере, если получится, я хочу, чтобы они знали, что все это обман, они не получают с этого ровным счетом ничего. Я спрячу это записку в том самом саду, где гуляли мы с Фаусто, ведь я уверена, что кто-то это да найдет. Пусть даже работники на другом берегу, но они хотя бы не относятся к «ВТОРОМУ ПРОРОКУ». Кто бы ты ни был, если снимаешься в фильме – не спрашивай и не говори никому и беги, не оглядываясь, а если же нет, то передай это кому угодно, кто может донести это до масс. Надеюсь, что вскоре вся эта компания закроется, а мне больше, нечего сказать.

Глава 5.

Гуди Лейв. 2142

Не буду долго разглагольствовать, ведь у меня не так много времени. Я Гуди Лейв, мне двадцать, если это хоть сколько-нибудь важно, и я актер второго плана в третьем фильме кинокомпании «ВТОРОЙ ПРОРОК».

Я начну с конца, если так конечно можно. Мне осталось всего пара дней до моей последней сцены и совсем недавно я, прогуливаясь у озера в окрестностях городка, в котором находится наша студия, нашел письмо некоей Мэри Кларк. Быть может, это какой-то розыгрыши или провокация, но я все же попытаюсь.

Я сидел на траве неподалеку у озера, можно даже сказать ближе к лесу. Смотрел вокруг и заметил рядом с собой камень средних размеров. Я увидел, что камень немного провалился в ямку, находящуюся под ним и мне почему-то стало очень интересно что там. Когда же отодвинул его, то увидел в небольшой раскопанной явно человеком яме жестяную коробку. Мне показалось, что раз она лежит в яме под камнем, то наверняка там внутри что-то, что автор этого всего не хотел открыть показывать всем, поэтому я взял бумагу, лежавшую внутри и положил банку обратно. Задвинул камень так, как он и стоял и, спрятав бумагу, в карман шорт отправился в свою комнатку. Когда я пришел, моего соседа к счастью не было, поэтому я мог спокойно посмотреть, что же все-таки это за бумага. Содержимое бумажки я описывать не буду, ведь свое письмо я положу туда же и тот, кто это читает, сможет прочитать и другое. Собственно, так я и узнал о Мэри Кларк, после исповеди которой я тоже решил рассказать немного правды.

Не могу сказать, что попал в компанию совсем случайно, ведь все-таки я сам приехал на кастинг и сам сделал все, что мне сказали. То есть, у меня не было такого же эффектного прослушивание, какое было у Мэри, но все же оно было построено в том же ключе: я и еще около тридцати человек сидели на стульях в кругу и держали в руках ножи. Каждый раз, когда звучал свисток один человек, на которого светил луч должен был стать и пройти к человеку, на которого луч посветил вторым. Затем первый ждал. Если загорался синий цвет, то он должен был ударить сидящего человека, а если же красный, то порезать ему ножом какую-то незначительную часть тела. Если же кто-то отказывался делать что-то или терпеть что-то, то он уходил с кастинга. Конечно, я понимал зачем они устроили именно такой вид прослушивания. Им не нужны были люди, которые посреди дубля, в котором возможно уже умер актер, сказали: «Кажется, я передумал». Так что в конце всего этого зрелища осталось около двадцати человек, которых и взяли в фильм.

Но, наверное, стоит рассказать о причине, по которой я все-таки решил пойти сниматься в столь безвкусном кино. Дело в том, что моя мама больна раком, то есть, она буквально умирает. Вы можете задаться вопросом: «Но как же вакцина, Гуди?». А я скажу вам: вакцина для избранных. Они, эти врачи с важными лицами, ставят тебя в несуществующую очередь и каждый месяц говорят выдуманный номер. «Вы номер пять тысяч двести восемьдесят шесть, но не отчаивайтесь, в месяц лечение в нашей клинике проходят сто человек, и уже совсем скоро придёт ваша очередь» - звучит писклявый надменный голос на другом конце. Но на деле, в лучшем случае, в месяц проходят десять человек, тогда как количество больных растёт гораздо быстрее.

Так вот компания «ВТОРОЙ ПРОРОК» активно предлагает семьям людей, которые поучаствуют в съемках, любую помощь, в том числе и вакцину от рака. Они говорят, что вы

сразу же поднимаетесь со своего места в очереди на самую вершину и вам помогают даже быстрее, чем тем, кто прошел по каким-то особым льготам. Так что, отчаявшись, я пошел на съемки, надеясь, что после моей смерти, моя мама будет жить.

На деле, когда же я прибыл сюда и поучаствовал в нескольких съемках, связавшись с мамой узнал, что ничего не изменилось. Ей звонили из клиники и номер несколько не изменился. Тогда я пошел напрямик к человеку, который обещал нам все то – к Жаку Таратто.

— Ничего не изменилось, — я вошел и начал говорить с порога.

— Ты кто? — На лице этого человека изобразилась странная гримаса, в которой совмещались недоумение и отвращение.

— Гуди Лейв.

Жак потыкал что-то в своем интерактивном столе, а потом вывел голограмму прямо передо мной. В воздухе крутился мой скан и куча информации обо мне и моей семьей.

— Ага. Актер второго плана, из округа 2-3-9. Играешь адъютанта главного военачальника и умираешь в главной битве. Так что же не изменилось, мистер Гуди Лейв? — Жак сел положив ногу на ногу и скрестив руки.

Я прошел сквозь голограмму и облокотился пальцами на его стол.

— Моя мать, вы обещали ей вакцину. Ее место в очереди не изменилось, — Жак резко выпрямился и начал улыбаться.

— Эта услуга временно недоступна.

— Тогда я отказываюсь от участия в съемках до тех пор, пока она не станет доступна, — Жак начал читать информацию обо мне со стола.

— Боюсь это невозможно.

Я развернулся и начал двигаться к выходу.

— Вы кажется меня не поняли, юноша, — голос Жака становился громче, — я сказал, что это невозможно.

Он движением пальца передвинул голограмму так, что она оказалась передо мной. Там были лица моей мамы и двух моих младших сестер. Мне пришлось обернуться.

— Видишь их, они, видимо, очень важны для тебя. Ты же крайне важен для нас, так что, если мы потеряем тебя, то ты потеряешь их. То есть не только свою мать, но и милых маленьких девочек. Далия и Марна, верно? — Я на некоторое время потерял дар речи. Это человек угрожал убить мою семью, совершенно не скрывая этого. — С другой стороны, если ты останешься, они тоже останутся в полном порядке. Ну что, договорились?

После этого мне было страшно звонить маме, было страшно и стыдно говорить, что ей не только не помогут, но и вскоре лишат единственного человека, способного обеспечить семью. Мне было даже больно думать о том, что из-за моей глупости, девочки останутся совсем одни.

Совсем скоро, состоится последнее сражение и меня не станет, но я, как и Мэри, надеюсь, что наши письма найдут и, прочитав, сделают что-то. В свою очередь, я рассказал одному человеку, которому считаю, что могу доверять. Он оказался в одной лодке со мной и пообещал тоже написать свою историю и вложить ее в указанное мной место. Теперь же я пойду и положу оба письма туда, где нашел их и буду готовиться к смерти. Прощайте.

Без Имени. 2142

У меня очень мало времени, ведь совсем скоро состоится та самая последняя сцена. Я сижу в туалете общежития, в котором проживают все актеры массовки и пишу все это на коленях, поэтому извините за все эти непонятные закорючки.

Мне сорок пять лет, у меня есть жена и двое детей, и я попал сюда абсолютно не по своей воле.

Дело в том, что мы далеко не самая богатая семья. Мы жили в бедном районе, совсем не мешая никому. Раз в месяц к нам приезжали люди из благотворительных организаций Государства и привозили некоторые нужные вещи. И вот в один из таких дней к нам приехали около десяти больших автобусов. Люди в них сказали, что для нас нашли новые квартиры и работу и всем мужчинам нужно будет поехать, осмотреть там все и подписать документы. Вместо новых квартир нас привезли сюда.

Мы вышли, нас выстроили в несколько колонн и сказали ждать. Через несколько минут пришел тот главный человек и начал говорить:

— Возможно, вы задаетесь вопросом: «Где же все-таки мы?». Ответ прост: вы в студии «ВТОРОЙ ПРОРОК», а я ее основатель Жак Таратто. Вы же отныне – актеры массовки. Но не обольщайтесь, дорогие мои друзья, не все так прекрасно как звучит на первый взгляд. Возможно вы не слышали, но мы снимаем не совсем обычные фильмы: в них по-настоящему умирают люди, — в толпе начался шум. — Молчать! У вас, расплодившихся бездельников, нет права отказаться. Если вы вздумаете покинуть нас - мы это сразу же заметим и ваши драгоценные семьи окажутся здесь, с вами, снимутся в одной из сцен со смертью.

После этого они каждый раз запугивали нас перед съемками. Я уже взрослый человек и мне не страшно умереть ради своей семьи, но все меняется.

Совсем недавно к нам начали привозить людей для массовки пачками, то есть, не просто мужчин, а семьи и все они говорили о том, что их соседей уже увозили и те больше не возвращались. Тогда мы все поняли, что прямо перед финальной битвой будет сниматься сожжение города. Мы наблюдали то, как они снимали это и ничего не могли сделать, ведь наши семьи рисковали оказаться там же. Но дело в том, что чтобы мы не делали, они уже привозили невинных женщин и детей и ничего не смогло смутить их, а что будет после финальной битвы, когда все мы...

Время поджигает, и я больше не могу писать, нужно бежать класть это в тайник, о котором мне рассказал один человек. Он сказал, что там уже пять писем и во всех них люди рассказывают о своих историях. Надеюсь, все это не зря.

Глава 6.

Дастин Верум. 2171

Совсем недавно, просматривая уже изученные Александром дневники его матери, я обнаружил странную вещь: в одном из ее дневников была страница, полностью исписанная совершенно несвязными словами. Я удивился и отправил это Александру, он же сказал, что видимо не заметил этого, ведь это было на самой последней странице, а тетрадь была исписана не полностью.

От парня долго не было ответа, а потом он прислал мне координаты и указание конкретного места. Я вбил их в карту и обнаружил, что это то место, в котором и снимались все фильмы «ВТОРОГО ПРОРОКА». Местечко было не из близких. Александр не отвечал не на письма, не на звонки, так что я подумал, что он уже отправился сам. Я полетел в тот же день.

Прибыв на место и проследовав всем инструкциям, я нашел несколько бумажек с письмом от уже знакомого нам персонажа – Льюиса Лаймана. Прочитав все, что там было, я сразу же понял, куда направился Александр и решил поступить так же, как и он после того, как все-так посещу места, о которых столько читал в дневнике Сандры.

Я отправился к полю у озера, в котором гуляли мистер Лайман и Сандра Хейз. Все было еще более прекрасным, нежели я представлял: озерцо все еще было на месте, в нем плавали стаи уток. На том берегу стояли маленькие, я бы даже сказал миниатюрные, домики. Рядом с ними весело резвились собаки, догоняя детишек. У озера стоял мужчина лет тридцати, он посмотрел прямо на меня, а затем двинулся в мою сторону. Через пару минут он подошел ко мне и, немного посмотрев, начал говорить:

— Вы приехали сюда из-за компании, которая прежде снимала тут фильмы? — Я удивился внезапной догадливости незнакомца, но все же кивнул головой. Он начал двигаться в неизвестном мне направлении, и я решил молча последовать за ним. — Когда я был маленьким я постоянно видел в этой части поляны людей, гуляющих то по одному, то в парах. Смотрел на них, махал им, они порой отвечали мне тем же. Но самое интересное в этом всегда было то, что гуляя, я часто видел, как все они ходили к одному и тому же камню, постоянно оглядываясь и словно боясь чего-то. Я был маленьким и никогда и не подозревал, что это могло что-то значить, но недавно... Недавно мой старший брат рассказывал, что однажды (ему тогда было чуть больше десяти) он из любопытства решил пробраться в эту студию и посмотреть, что там все-таки происходит. Он сказал, что видел, как куча людей начинали бежать друг на друга, драться, а потом они все падали, ну и... я думаю, вы понимаете, что было дальше. После этого рассказа я сразу вспомнил об этом камне, знаете, бывает такое, что что-то связанное с твоими воспоминаниями пробуждает их. Тогда я решил посмотреть, был ли этот камень все еще там, и он был. Я отодвинул его и нашел все эти письма, прочитал и...

Мужчина замолчал и, казалось, начал удерживать слезы. Потом, остановился и указал мне на тот самый камень, после чего начал уходить.

— Спасибо вам, вы, можно сказать, помогли всем этим людям, — я сказал это ему вслед, и он остановился и повернулся ко мне. На его глазах были слезы.

— Я не догадался как помочь им сам, но к счастью тут оказались вы... Их истории должны быть услышаны, — он улыбнулся мне и отправился к дому.

Я же сел на траву и прочитал все эти записи. Темнело и с падающим за горизонт солнцем упала на землю и моя слеза. *Пахло травой.*

Льюис Лайман. 2141

За последний месяц я очень сильно изменился. Устал смотреть как последователи Государства снимают фильмы только для того, чтобы убить *лишних* людей. Они не придумали иного способа избавиться от перенаселения и решили убивать население, прячась за благие цели. Даже и первые фильмы специально снимали исключительно о войнах. Подумать только... Но поговорим о другом.

Сегодня семнадцатое июля, позавчера была сцена смерти Сандры, ее тело сразу же привезли ко мне. В животе была дыра от пули, на лице выражение грусти. Она еще дышала. В моей голове сразу же пронеслась тысяча мыслей, но главная была одна: «Она может выжить, и она выживет, не зря же я один из лучших врачей Государства». Я провел все необходимые процедуры, и она стала стабильна. Ей уже ничего не угрожало, но все же оставалась проблема: если Жак узнает, он непременно убьет ее, а я слишком прикипел к ней. Тогда и родился это «гениальный» план.

Дело в том, что моя бывшая жена и дочь давно переехали жить в Свободный Край. Они звали меня с собой, но я всегда отказывался. Для меня Государство всегда было важнее, но сейчас... я не знаю, что изменилось, но я почему-то не видел смысла больше находиться здесь. Тогда я решил увезти с собой и Сандру.

Ее похороны должны были состояться завтра, и я ввел ей препарат, благодаря которому, она пролежала в коме почти весь день, а на нее саму надел аппарат, который заглушал биение сердца (мы использовали его для определенных процедур). Готовил к гробу и погружал ее тоже я, поэтому особых проблем с моим планом не возникло. Внутри я положил звукозаписывающее устройство.

Прежде чем унести гроб на процессию, Жак попросил меня побыть с ней наедине, «попрощаться». Когда я после прослушивал запись, то обнаружил интересный фрагмент:

— Поверить не могу, мы это сделали Жак, — очевидно говорил тот самый вечный сопровождающий Таратто – Морган.

Послышалось шуршание, кто-то открыл крышку гроба. Заговорил Жак:

— Ну что ж, дама сыграна, в колоде еще много карт.

Сейчас я сижу и пишу это, потому что решил, что люди должны знать правду. Рядом сидит Сандра и пишет шифр в своем дневнике. Как только она закончит я пойду к Жаку и отдам ему его, он ничего не подозревает и, конечно же, отправит дневник, как и прошлые, властям. Шифр, по словам самой Сандры, не поймет никто кроме ее бывшего мужа или сына, так что нам остается наедятся или на них, или на чистую случайность. Свой лист я спрячу в тайном месте в студии, о котором знаем только мы.

Хоть Сандра и просит меня указать точный адрес места, куда я ее повезу, делать я этого не буду, ведь если это найдут не те люди, они непременно найдут нас и... Ночью мы отправляемся в Свободный Край, там... будем ждать вас.

Дастин Верум. 2171

Сейчас, когда я уже на пол пути к тому самому месту собрания всех скитальцев, я могу наконец и расставить все по своим местам. Получил от Сандры (теперь мне хочется называть его так) адрес места, где он будет ждать меня и теперь даже вижу в этом какой-то смысл. Не терпится оказаться там и встретиться с судьбой. Но теперь, когда вы знаете все, и когда у меня есть время, я расскажу вам еще одну небольшую историю.

Неделю назад мы с Сандром нашли адрес места, где сейчас находится Жак Таратто. Оказалось, он еще жив, но не совсем здоров. «Беднягу» запрятали в сумасшедшем доме. Туда мы с моим напарником и отправились.

Нас не очень-то и хотели пускать туда, ну знаете, все-таки там они прячут спятивших государственных преступников, но Александр заплатил особыми государственными марками (о существовании которых у него я и вовсе не знал) и нас приняли наиболее радушным образом.

Мы прошли в зал, где сидели все эти... душевнобольные люди, анимавшиеся кто чем. Женщина надсмотрщица показала нам на того, кто нам нужен. Он действительно выделялся из толпы.

— Расступитесь!.. Слышите, все, расступитесь, вы мешает мне снимать фильм. Я снимаю чертов фильм о Иерусалиме, а вы мешаетесь под ногами! — старик Таратто, сидя в роботекляске, кричал на всех, кто попадался ему на пути, — Я обличитель царей и я предупреждаю вас, что Иерусалим падет. Я царь Навуходоносор и я возьму ваш мерзкий город!

Он еще долго говорил подобный бред, но пришла женщина, которая провожала нас сюда и повезла его в комнату, в которой он жил. Мы еще несколько минут поговорили с ней, чтобы она пустила нас к нему, и, уговорив, вошли. Первым Жак заметил Александра.

— Ты... я говорил тебе, что он подойдет к нашим стенам. Я говорил, но ты не хотел меня слушать. И вот я пришел и стою у ваших стен, мое войско сокрушит вас, так что сдавайтесь, — он говорил яростно, но мы не отвечали. — Я и глас божий, и рука его. Я и пророк, и исполнитель. Я и палач, и плачущий. Я обрушу весь божественный гнев на грешную Землю, я... — Он не смог закончить свой монолог: в комнату въехал робот-медсестра.

— Время кушать, Мистер Таратто, — механический голос издал свой приказ.

Жак повернулся и начал двигаться к выходу.

— Так значит... не сегодня Иерусалим падет, царь Навуходоносор? — Произнес Александр.

Жак остановился и посмотрел на него.

— А и бог с ним. *Пусть стоит.*

